

Алексеева Т.А., Минеев А.П.,
Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И.

«Квантовый подход» к международным отношениям

ФГАО ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

«КВАНТОВЫЙ ПОДХОД» К МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Под редакцией
доктора философских наук Т.А. Алексеевой

Москва
«ЗНАНИЕ-СИЛА»
2018

УДК 327
ББК 66.4
К 32

Рецензенты: доктор филос. наук Г.Г. Водолазов, кандидат полит. наук П.И. Касаткин, физик И.А. Харичев

Авторский коллектив:

Т.А. Алексеева (вступление — совместно с Б.И. Ананьевым, Ч. 1, главы 1-6 в Ч.2), Б.И. Ананьев (вступление — совместно с Т.А. Алексеевой, глава 3 в Ч. 3), И.Д. Лошкарёв (глава 7 в Ч. 2, глава 1 в Ч. 3, заключение — совместно с А.П. Минеевым), А.П. Минеев (глава 2 в Ч. 3, заключение — совместно с И.Д. Лошкарёвым).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект № 16-03-00803 «Инновации в методологии политических наук (попытки применения открытий в области физики)».

Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. **«Квантовый подход» к международным отношениям**: научное издание / Отв. ред. Т.А. Алексеева. — М.: АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2018. — 110 с.
ISBN 978-5-9500410-1-3

Данная монография посвящена перспективным направлениям теории международных отношений (ТМО) и пытается ответить на вопрос о новых направлениях развития международно-политических исследований. Авторы рассуждают одновременного в логике «от общего к частному» и «от частного к общему», что позволяет подойти к важным обобщениям и представить интересные наблюдения о том, в каком состоянии находится современная ТМО. Для этого в монографии анализируется общее состояние общественных наук (в том числе, политической науки) и определяются идейные основания для формирования новых исследовательских программ и парадигм. Исходя из данной логики рассуждений, авторы обращаются к конструктивистской парадигме ТМО как к наиболее фундированной с онтологической и эпистемологической точки зрения. Монография обращает внимание читателей на значительный потенциал для использования принципов квантовой механики в исследованиях международно-политической реальности.

Издание предназначено для международников, для специалистов по общественным наукам и для всех интересующихся проблематикой теоретизирования в социальных науках.

© АНО «Редакция журнала «ЗНАНИЕ-СИЛА», 2018.

© МГИМО МИД России, 2018.

© Коллектив авторов, 2018.

Оглавление

Вступление	5
Часть 1. Истоки новой исследовательской программы в международных исследованиях	
<i>Глава 1. Эпистемологический «поворот» конца XX века</i>	8
<i>Глава 2. От позитивизма к постпозитивизму</i>	21
Часть 2. Конструктивизм в теории международных отношений	
<i>Глава 1. Краткая предыстория</i>	27
<i>Глава 2. Типы конструктивизма</i>	33
<i>Глава 3. Конструктивизм в международных исследованиях</i>	40
<i>Глава 4. Николас Онуф: конструктивизм правил</i>	47
<i>Глава 5. Конвенциональный конструктивизм: Александр Вендт</i>	57
<i>Глава 6. Критический конструктивизм</i>	70
<i>Глава 7. Конструктивизм: в бесконечность и далее?</i>	72
Часть 3. На пути к новой парадигме	
<i>Глава 1. Сознание: мы знаем, что ничего не знаем</i>	85
<i>Глава 2. Часть и целое: некоторые подсказки из физики</i>	93
<i>Глава 3. Некоторые категории анализа «квантового сознания»</i>	101
Вместо заключения	105

Вступление

Первая треть XX века вошла в историю науки как период качественных преобразований, которые в совокупности повлекли за собой парадигмальный сдвиг от классической к неклассической научной рациональности. Будучи непосредственно одним из звеньев этого сдвига, квантовая механика, таким образом, сыграла значительную роль в формировании новой картины мира, которая в своей основе перестала опираться на картезианско-ньютоновскую механистичность. С этого момента некогда доминирующая логика линейных субъектно-объектных связей потеряла монополию в рамках производства научного знания.

Вместе с тем, новая картина мира и соответствующий ей тип рациональности косвенно бросили вызов не столько череде сугубо научных догм, застывших на страницах книг в библиотеках старых университетов Европы, сколько целому ряду конкретных теоретических построений, нашедших свое применение в рамках процесса формирования миропорядка. Не секрет, что уязвимым местом механистической картины мира стало ее зачастую неконтролируемое проецирование на максимально возможное число сфер жизни человека и общества. Будучи подкрепленной «машинной» логикой вступивших в фазу зрелости индустриальных государств, «механистическая» рациональность начала приобретать опасные черты. Характерным примером подобной вульгаризации механистической картины мира стал социал-дарвинизм как в его теоретическом воплощении, так и в виде набора конкретных социальных практик. Именно в конце XIX — первой трети XX вв. конкретным политическим силам представилась благодатная возможность использовать науку в ее узком смысле¹ в качестве легитимирующего элемента для проводимого политического курса, сблизив, таким образом, спенсеровское «survival of the fittest» и киплингское «The White Man's Burden» за счет создания теорий с ярко выраженными независимыми переменными, детерминирующими характер развития всей системы. В случае с социал-дарвинизмом такой независимой переменной стала раса — биологический маркер индивида — в то время как оформившаяся в систему знания в аналогичный исторический период классическая геополитика (безусловно, лишь отчасти подходящая для прямого

¹ То есть, опираясь на естественнонаучные дисциплины.

сравнения) оперировала несколькими независимыми переменными, связанными с географическим положением и природно-климатическими особенностями того или иного государства². Помещенная в философскую среду, механистическая картина мира нашла свое яркое выражение в «Логико-философском трактате», ставшем хитом своего времени и вехой в развитии философской мысли Запада и подвергшемся огню критики со стороны левых политических сил как инструмент закрепощения индивида³. Так, резко отреагировав на проникновение механистической картины мира в повседневность на уровне языка, Герберт Маркузе описал ее абсолютом, как ситуацию, в которой «Мышление (или, по крайней мере, его выражение) не просто втискивается в рамки общеупотребительного языка, но ему также предписывается не спрашивать и не искать решений за пределами того, что уже есть»⁴.

Таким образом, первая треть XX в. продемонстрировала пределы, а также слабые (и даже опасные) стороны неконтролируемо распространившейся на все сферы жизни индивида и общества классической научной рациональности. Помимо откровенных противников неослабевающего контроля возник лагерь философов и ученых, воспринимавших происходящие социально-политические процессы со значительной долей скепсиса. И если первые сосредоточились, прежде всего, на критике механистической картины мира, будучи отличными диагностами, но зачастую, при этом, не предлагая жизнеспособных альтернатив существующему порядку вещей, то группа ученых-естественников сумела приблизиться к решению двух задач одновременно.

Общественные науки до сих пор «переваривают» идеи первой трети XX в., взрывным образом изменившие восприятие мира и тех закономерностей, которые казались непреложными. Исследования международных отношений и мировой политики начали переходить к переработке и освоению этих революционных идей относительно недавно — и пока с ограниченным успехом. Определенный переворот в сознании исследователей совершила книга известного теоретика-конструктивиста Александра Вендта «Квантовый разум и общественные науки» (2015 год). Вендт провозгласил, что ответы на

² См.: Хофстедтер Р. *Американская политическая традиция и ее создатели: [Пер. с англ. / Ричард Хофстедтер; Вступ. ст. К. Лэша]; Отв. ред. Ю. К. Абрамов. М. : Наука : СП "Квадрат", 1992.*

³ См. например: Баталов, Э. Я. *"Новые левые" и Герберт Маркузе / Э. Я. Баталов. М., 1970.*

⁴ Маркузе Г. *Одномерный человек. М.: «Refl-book», 1994. — 368 с., с. 233.*

все вопросы способна дать квантовая механика, последовательное перенесение принципов которой в социальные и гуманитарные науки практически гарантирует прорывные открытия. Именно «Квантовый разум» подтолкнул авторов данной книги собрать все имеющиеся соображения по поводу места международных исследований в современной системе научного познания на фоне меняющегося понимания социальной онтологии и путей ее познания.

Главная задача книги — провести инвентаризацию того, что нам уже известно, проследить интеллектуальную традицию имеющихся идейных наработок. Но главное — авторы стремятся сохранить здоровую долю скептицизма и продемонстрировать те вопросы, на которые еще не даны вразумительные ответы.

Многие идеи данной книги возникли в результате обсуждения на научных мероприятиях и форумах, так что хочется завершить вступление благодарностями. Авторы выражают искреннюю благодарность за содержательную критику и важные уточняющие вопросы корифеям отечественной науки о международных отношениях — Н.А. Косолапову, М.М. Лебедевой, А.И. Никитину, П.А. Цыганкову. Кроме того, авторы благодарят Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) и его руководство за постоянную и всестороннюю поддержку.

Часть 1.

ИСТОКИ НОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Глава 1. Эпистемологический «поворот» конца XX века

С конца 1980-х гг. одним из главных направлений в теоретическом исследовании международных отношений стал конструктивизм. Спустя десятилетие он уже достаточно прочно утвердился на теоретическом Олимпе, предложив собственную онтологию, эпистемологию и методологию международных исследований.

Такой успех конструктивизма имел как исторический, так и эпистемологический характер. С одной стороны, стимулом к поиску новых подходов, безусловно, было разочарование в традиционных теориях международных отношений, оказавшихся неспособными предвидеть ни поражение США во Вьетнаме, ни окончание «холодной войны», ни распад Советского Союза. «Дело не в том, что международные отношения переживают еще один «кризис», — подчеркивал профессор из Сиднея (Австралия) Джеймс Дер Дерриан. — Но это означает необходимость признать, что международные отношения подвергаются эпистемологической критике, которая ставит под вопрос сам язык, концепции, методы и историю (то есть господствующий дискурс), который конституирует и управляет «традицией» мышления в этой сфере»⁵. С другой стороны, обращение к иному типу мышления во многом диктовалось закономерностями развития самой науки, было связано с необходимостью как-то адаптироваться к изменяющимся картинам мира, новым методам и закономерностям, открываемым естественными и социальными формами познания.

Как известно, понятие «поворот» в философии науки означает качественные изменения в системах производства и репрезентации знания, сдвиг в теории и практике познания. Это, кроме того, «опознавательный знак» если не смены, то выдвижения новой, набирающей силу парадигмы, нового направления в исследовательской

⁵ *Der Derian J. Introducing Philosophical Traditions in International Relations // Millennium. 1988. Vol. 17. № 2. p. 189.*

работе, иного ракурса предмета исследования. Такой «поворот», кроме того, предполагает изменения, если не кардинальную смену мировоззренческих установок. Научное мировоззрение (*Weltanschauung* — нем.) может быть определено как система взглядов человека на мир, опирающейся на научные знания. Оно содержит общие представления о закономерностях развития, формах проявления и сущностях природного и человеческого (социального) мира. Его важнейшим компонентом выступает картина мира как предметная сторона мировоззрения, включающая преимущественно так называемые онтологизированные представления. Онтология, соответственно, в свою очередь, может быть рассмотрена как философская рефлексия по поводу картины мира. Философские основания науки обеспечивают связь, соединение, взаимодействие научной картины мира с идеалами и нормативными структурами науки, с мировоззрением соответствующей исторической эпохи. Одновременно сосуществуют религиозная (как соотносятся Бог и человек); философская (как соотносятся мир и человек); культурная (совокупность представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете народов); и, наконец, научная картина мира (мировоззренческий синтез различных научных теорий). Иными словами, картина мира извлекает из многообразия реальности именно те сущностные связи (базовые принципы), познание которых составляет основную цель на разных этапах развития человечества.

Картина мира — это своего рода полотно, образ всего существующего. Немецкий философ Мартин Хайдеггер в статье «Время картины мира» разъяснил, что, рассуждая о картине мира, мы в первую очередь думаем об изображении⁶. Как изображение, она не является буквальной копией с оригинала, а фиксирует черты, которые мы считаем наиболее существенными, значимыми. А это означает, что мы имеем дело с конструкцией, создание которой предполагает какую-то точку отсчета, а именно автора или зрителя, дистанцированного от объектов, изображенных на картине, или иначе, трансформацию участия и проживания в наблюдение и репрезентацию. Такой подход подразумевает как утрату некоторой близости или интимности связи с окружающими нас вещами, так и возможность объективации отношения к ним. Вот почему картина мира всегда тяготеет к тому, чтобы, в первую очередь, быть сферой научного знания.

Вопрос о существовании научной картины мира и ее месте в структуре научного знания ставился не только Мартином Хайдеггером

⁶ Хайдеггер М. *Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления. Москва: Республика 1993. С. 41-63*

ром как философом, но и такими крупнейшими учеными-физиками как М. Планк, А. Эйнштейн, Н. Бор, Э. Шредингер и некоторыми другими. Так, например, Альберт Эйнштейн представил физическую картину мира как особый компонент теоретического знания, который отличается от конкретных физических теорий и в то же время объединяет данные теории, обеспечивая их синтез. Всякая картина мира упрощает и схематизирует действительность. И до какого-то момента позволяет отождествлять картину мира с самим миром, с реальностью. Новые открытия приводят к крушению «старой картины мира» и появлению и постепенному утверждению новой, но и это лишь одна из ступеней эволюции человеческого познания.

Таким образом, научная картина мира включает в себя множество теорий, раскрывающих известный человеку природный мир. Поскольку картина мира — это системное образование, ее изменение нельзя свести ни к какому отдельному, пусть и самому крупному научному открытию или изобретению. Фундаментальная теория конкретной науки может превратиться в научную картину мира, только если ее исходные понятия и принципы приобретут общенаучный и мировоззренческий характер. Как правило, речь идет о целой серии взаимосвязанных открытий в фундаментальных науках. Общую картину мира вырабатывает наука, лидирующая в естествознании (обычно это — физика), а специальные науки формируют собственные картины мира вслед за ней и во многом в соответствии с ней. Эти открытия почти всегда сопровождаются радикальной перестройкой методов исследования, а также значительными изменениями в самих нормах и идеалах научности.

Иными словами, с одной стороны, картину мира составляют фундаментальные понятия и принципы науки, благодаря которым формируется целостный образ мира; с другой, — утверждается ее онтологический статус, т.е. понятия отождествляются с действительностью до тех пор, пока признаки зарождающейся новой картины мира не начнут разрушать это совпадение. Смена картин мира, по существу, означает преобразование как философских оснований научных взглядов, так и нормативных структур исследований, т.е. это своего рода глобальные революции в мировоззрении человека, означавшие также смены типов рациональности.

Таким образом, научные революции предопределили длительные стадии развития науки, каждой из которых соответствует своя научная картина мира. Позднее в рамках новой картины мира происходят революции в отдельных науках. Однако следует помнить «принцип соответствия», сформулированный датским физиком-тео-

ретиком Нильсом Бором: новая научная теория не отвергает полностью предшествующую, а включает ее в себя в качестве частного случая, то есть устанавливает для нее ограниченную область применения. Иными словами, научная картина мира не уничтожает предыдущую, а, являясь более широкой, включает ее в себя. Разумеется, речь идет о научных картинах мира — представления древних о трех китах или слонах, на которых стоит мир, сегодня уже «не работают».

Отметим и еще один важный аспект картины мира — она всегда оказывается результатом взаимодействия, взаимовлияния науки и других форм культуры данной исторической эпохи — от религиозных откровений до художественных прозрений, наука — часть культуры и не может противостоять ей как некий закрытый, изолированный «остров».

Но вернемся к Хайдеггеру. С его точки зрения, нельзя говорить об античной или средневековой картине мира, так как человек в те века все еще был включен в природный мир, не противопоставлял себя ему. Поэтому невозможно рассмотрение его как картины или изображения, отъединенной от человека. Это становится возможным только для человека Модерна (Современности), т.е. примерно с XV–XVI вв., когда зарождаются субъект-объектные отношения, а мысль участвует либо в процессе отражения (рефлексии), либо конституирования объектов.

Английский философ и естествоиспытатель Исаак Ньютон (1643—1727 гг.), а также другие философы и ученые XVII века, сформулировал базовые принципы механистической научной картины мира на базе экспериментального и математического естествознания. Признавая, что создание механики было революцией в науке, некоторые выдающиеся ученые даже описывают ньютоновскую концепцию природы как первую подлинно научную картину мира. Присущий ей детерминистский подход предполагал, что в любом событии, каким бы оно ни было, выражается определенный закон природы. В целом эпоха ньютоновской картины мира и позднее Просвещения дали миру совокупность научных идей, положив в основу разум как главный источник власти и легитимности, выдвинула идеалы свободы, прогресса, религиозной терпимости, братства, и, наконец, конституционного правления как противоположности абсолютной монархии и однозначно, а также неоспоримо зафиксированным религиозным догмам.

Именно с этого времени субъект и объект — фундаментальные философские категории. Так, субъект — это личность, социальная группа, государство, общество. Объект — явление, вещь, процесс, на

которые направлена практическая или познавательная деятельность субъекта-наблюдателя. В качестве объекта может выступать и сам субъект.

Большинство исследователей той эпохи полагали, что существует полное соответствие фундаментальных понятий, подтвержденных опытом, феноменам, элементам и явлениям внешнего мира. Атом представлялся неделимым, пространство и время абсолютным. Опытное подтверждение этих абстрактных понятий в реальности не вызывало сомнений, а наука воспринималась как точное отображение действительности. М. Джонсон следующим образом разъясняет его смысл: «Мир состоит из объектов, обладающих собственной сущностью, и находящихся в разных отношениях, не зависящих от того, как это понимают люди. Мир таков, каков он есть, неважно, что какой-то человек о нем думает, существует единственно правильный «божественный взгляд» на то, каков мир в реальности. Иными словами, существует рациональная структура реальности, независимая от убеждений каких-либо людей, и правильные зеркала разума, отражающие эту рациональную структуру»⁷. И далее: «Слова прямо соответствуют вещам; нет места для человеческой деятельности в определении смысла иррациональности, поскольку смысл определяется через прямые отношения между символами и вещами в мире»⁸.

Предполагался редукционизм — сведение сложного к простому. Считалось, что свойства целого целиком определяются свойствами его частей, соответственно даже крупные объекты следовало сводить к небольшому числу элементов. Каждый объект описывался изолированно в строго заданной системе координат. Наука стремилась убрать субъекта из процесса познания — мир объективен, из него должен быть изъят субъект — все окружающее изучается в соответствии с требованиями объективности. Процедуры воспринимались как неизменные, из опыта вытекали онтологические принципы, на основе которых создавались теории, позволявшие объяснить эмпирические факты через механистические причины и носители жестко детерминирующих сил. Познание рассматривалось как наблюдение и эксперимент. Объяснительный эталон — однозначная причинно-следственная зависимость. Причиной изменения состояния движения тела выступает внешнее воздействие на него. В лапласовском смысле (принцип сформулировал французский математик и астро-

⁷ Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. p. X.

⁸ *Op. cit.* p. X.

ном Пьер Симон де Лаплас (1749—1827), при перемещении тела в пространстве с течением времени, исходное состояние тела рассматривается как причина его конечного состояния, а внешнее воздействие на него является условием движения тела.

Американский ученый Ф. Капра следующим образом описал «поворотный момент», связанный с появлением механистической картины мира: «Сам Декарт набросал основные черты механистического подхода к физике, астрономии, биологии, психологии и медицине. Мыслители XVIII века развили программу дальше, применив принципы ньютоновской механики к наукам о природе человека и человеческом обществе. Созданные социальные науки вызвали великий энтузиазм и некоторые из их сторонников даже утверждали, что открыли «социальную физику» (например, Огюст Конт — *Авт.*). Доминирующей фигурой этого развития стал философ Джон Локк, чьи наиболее важные труды были опубликованы в конце семнадцатого века. Под сильным влиянием Декарта и его личного друга Ньютона, труды Локка оказали решающе важное влияние на мысль восемнадцатого века»⁹. Ньютоновская теория вселенной и вера в рациональный подход к человеческим проблемам распространился так быстро среди средних классов восемнадцатого столетия, что вся эпоха стала «эпохой Просвещения».

Радикальные изменения в этой картине мира произошли в конце XVIII—начале XIX века (одни исследователи видят в ней вторую научную революцию, другие полагают, что Ньютоновская механистическая картина мира сохранялась еще сто лет, вплоть до начала XX века). Как бы там ни было, именно в это время произошел переход к дисциплинарно организованной науке, когда в целом ряде областей, например, в химии или биологии, сформировались картины мира, отличные от механистической. Соответственно, за ними последовали новые идеалы, и нормы исследования.

К концу XIX столетия создалось даже впечатление, будто «классическая физика» — «мать всех наук», предоставила в распоряжение исследователей уже полный набор законов, охватывающих все явления природы. Совместно с математикой она встала во главе технологии и эмпирического познания, а ее открытия составляли базу для исследований в других дисциплинах. Однако и в ней самой начинались процессы поиска новых философских оснований и методологий исследования. Научная картина мира начинает дробиться. На этом этапе «достижение обособленности отдельной науки в целях получения социального статуса и обретения полноценной институционализа-

⁹ Capra F. *The Turning Point*. NY: Simon and Schuster, 1982. p. 68.

ции становилось главным намерением ученого и научных сообществ»¹⁰. Между отдельными дисциплинами начинают вырастать чуть ли не крепостные стены. «...Специализация в сфере научного знания и автономизация наук являются проявлением общей тенденции, характерной для становления системы наук о природе и обществе, — подчеркивает отечественный философ В.Н. Росторгуев, — под автономизацией наук... понимается достаточно высокая степень их обособления, что является закономерным следствием лавинообразного роста объемов поступающей информации, которая останется мало доступной без ее селекции и систематизации по отраслевому принципу»¹¹. Однако их гетерогенность позднее вынуждает размышлять над проблемой синтеза знаний и классификации наук. Но это будет уже заметно позднее.

Как бы там ни было, ньютоновская картина мира — «классическая» наука, утвердилась надолго, на три столетия, не только позволив создать науки, как естественные, так и социальные, но и техническую базу индустриальной цивилизации.

Можно привести бесчисленные примеры использования ньютоновской логики в политической теории и международных исследованиях. Историки неоднократно отмечали сильное влияние механистического мировоззрения на «отцов-основателей» США (они рассматривали индивидов как независимые единицы, акцентировали превосходство разума над эмоциями, рассуждали в духе причинно-следственного детерминизма). В 1920-х гг. Вильям Беннетт Монро, профессор Гарвардского университета и одновременно президент Американской ассоциации политических наук, был одним из первых, кто признал, что американская политическая мысль находится под сильным влиянием ньютоновского мышления)¹².

В области международных исследований атомистический подход особенно ярко проявился в неореализме с его идеей автономного равенства государств (Кеннет Уолц). В той же логике предполагается наличие единственного типа капиталистического способа производства, возможность модернизации, независимо от специфики государства, которую исповедовали ранние глобалисты 1970—80-х гг.; демократизация по единственному образцу в период «Всемирной де-

¹⁰ Nybom T. *A Rule-governed Community of Scholars: The Humbolt Vision in the History of the European University // University Dynamics and European Integration*. Ed. by P.J. Olsen and P.Maasen, Dordrecht: Springer, 2007. p. 59.

¹¹ Росторгуев В.Н. *Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины // Философия политики и права. Сборник научных работ. МГУ. Выпуск 1. Москва: МГУ. 2010. С. 19.*

¹² Becker T., Slaton C.D. *The Future of Teledemocracy*. Westport: Praeger, 2000. p. 38

мократической волны» начала 1990-х гг., и т.д.

История, образы, символы и само повседневное мышление о политике по-прежнему вращается вокруг индивида как социального атома; государства по-прежнему воспринимаются во многом как масса молекул, действующих в соответствии с ньютоновскими правилами XVII века, хотя политические теории рассуждают вроде бы о другом. Таким образом, политика в немалой степени остается в механистических эпистемологических рамках, существенно сужая саму сферу политического.

Новую, «неклассическую» картину мира, которую назовут «эйнштейновской», обусловила серия фундаментальных открытий (сложной структуры атома, явления радиоактивности, дискретного характера электромагнитного излучения, квантовой теории в физике, генетики в биологии, кибернетики, теории систем и т.д.). Это был настоящий «взрыв» в познании, имевших место на рубеже XIX—XX вв. Могло показаться, что ниспровергалось чуть не все, достигнутое науками за предшествовавшие эпохи. Произошел переход к **неклассической картине мира**, иначе «эйнштейновской».

Картина мира отныне строилась на оспаривании универсальности законов классической механики. Она отвергла ее жесткий детерминизм, причинно-следственные связи. Более того, появилась новая форма детерминации — «статистическая закономерность», проявляющаяся в наличии однородных явлений или признаков при статистическом наборе данных. Опираясь на закон больших чисел, она позволяет выявить характер изменений, происходящих в социально-экономической среде.

Теория относительности Эйнштейна позволила выработать новые понятия, расширила с их помощью кругозор ученых, придала картине мира единство, которого не было в предшествующей, ньютоновской механистической картине. Русский ученый В.И. Вернадский пошел еще дальше, показав, что исследование физической реальности — лишь один из способов познания мира, для получения полной картины необходимо включение множества элементов, включая живое («натуралистическая картина мира»). Иными словами, вместо одной-единственной истинной теории отныне допускалось существование нескольких, отличающихся друг от друга, но дающих все-таки возможность приблизиться к истинному знанию. Большое значение отныне придавалось корреляции между онтологическими постулатами науки и методами исследования (в квантоворелятивистской физике), в частности, учета особенностей средств наблюдения, вступающих во взаимодействие с объектом исследова-

ния. В трудах А. Эйнштейна, М. Борна, В. Гейзенберга, Н. Бора и др. все более отчетливо звучала мысль о том, что наши представления о физическом мире зависят от положения самого познающего субъекта и от специфики его познавательных средств. Помимо исторической изменчивости знания и относительности научных выводов, картина мира включала теперь и субъекта, не дистанцирующегося от мира, а включенного в него, причем ответы на вопросы оказывались в зависимости от вопросов, которые ставит исследователь. Отсюда — иное понимание объективности, истины, теории, факта и т.д. Открылась возможность изучения сложных саморегулирующихся систем. В новой оптике природа рассматривалась теперь как сложная динамическая система. После открытий английского физика Джеймса Максвелла мир уже мыслился в виде непрерывных, не поддающихся механическому объяснению, полей. Каждая из областей знания вносит собственный вклад в общую картину мира, хотя самостоятельность дисциплин все еще сохраняется. Одновременно сформировались новые философские представления об основаниях науки.

Целое уже более не было просто совокупность частей, будучи рассматриваемым как система. Важную роль начинает играть фактор случайности, появляется вероятностная причинность. Более того, сам объект — более уже не вещь, а процесс, отчасти устойчивый, отчасти изменчивый. Объект микромира в квантовой физике в одних случаях ведет себя как частица, в других — как волна. Это и было принято, как аксиома, начало отсчета, тем самым, выявив новое проявление реальности, что создавало возможность примирения многообразия форм существования реального мира. Наконец, социальные науки перестали быть просто реципиентами методов и идей «естественных наук», а начали вводить свои метафоры в науки о природе («тело», «машина», «рынок», и т.д.).

Однако процесс изменения картин мира на этом не остановился. Позднее, в последнюю треть XX столетия пришла пора **постнеклассической науки**. Теоретики новой картины мира пришли к несколько обескураживающему выводу: несмотря на все успехи, достигнутые науками, абсолютно полную и достоверную научную картину мира не удастся создать никогда, любая из них обладает лишь относительной истинностью. По мнению Ильи Романовича Пригожина, бельгийского физика российского происхождения, лауреата Нобелевской премии 1977 года, сущность происходящей в наши дни научной революции состоит в том, что современная наука опровергает детерминизм и настаивает на том, что креативность проявляется на любом уровне природной организации. Природа со-

держит нестабильность как существенный элемент; как правило, имеет место не единичная бифуркация, а целые их каскады, подталкивающие развитие нередко под влиянием незначительного, случайного фактора. В результате возникают новые непредсказуемые макроструктуры, поэтому мы не можем прогнозировать, что произойдет — будущее открыто. Более того, «конец определенности» предполагает, что мир продолжает видоизменяться, причем даже индивидуальные действия могут оказаться существенными. Достаточно лишь небольшого энергетического воздействия («укола»), чтобы система перестроилась и возник новый уровень организации.

Тем самым, в центр своих взглядов Пригожин поставил «наведение моста между бытием и становлением», «новый синтез» этих двух важнейших «измерений» действительности, двух взаимосвязанных аспектов реальности, однако при решающей роли здесь времени (становления). Вследствие этого мы вступаем в новую эру в истории времени (которое «проникло всюду»), когда бытие и становление могут быть объединены — при приоритете последнего. Если для классической науки пространство и время были абсолютны, то в новой картине мира отмечается многомерность пространственно-временных структур, их качественные различия, вызываемые специфической природой исследуемых объектов. «Отдельные политии и внутриполитические образования разворачиваются, воспроизводятся и развиваются в своих собственных ритмах, темпах, — развивает эту мысль отечественный политолог Михаил Ильин в применении к политической науке. — Каждая полития возникает, живет и гибнет в своем собственном времени. У каждой свой исторический и эволюционный «возраст». Эта условная временная длительность существования, измеряемая не столько так называемым реальным временем, сколько накоплением информации об опыте воспроизведения своих институтов или «памятью» об эпизодах и циклах своего существования»¹³.

Наука в целом предстает в виде древовидной ветвящейся графики, феноменом постнеклассической науки становится син^{12/2}ергетика — общие закономерности явлений и процессов в сложных неравновесных системах на основе присущих им принципов самоорганизации.

Таким образом, мы вступаем в очередную глобальную научную революцию, связанную именно с постнеклассической наукой. Ключевые идеи постнеклассической науки, полагает российский академик В.С. Стёпин, — это нелинейность, ко-эволюция, самоорга-

¹³ Ильин М.В. Включение новых государств в международные системы: сравнительный исторический анализ // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука. Ежегодник РАПН. 2011. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 252.

низация, идея глобального эволюционизма, синхронистичность, системность¹⁴. Если раньше наука была сориентирована на исследование узких фрагментов действительности, то теперь на первый план выходят широкие, междисциплинарные исследования, сочетающие фундаментальные и прикладные исследования. Происходит взаимодействие различных картин мира, созданных в разных дисциплинах, они становятся взаимозависимыми. Все чаще объектом интереса ученых становятся исторически развивающиеся системы, а не просто саморазвивающиеся. Человек, при этом, включается в систему, перед ними открывается «созвездие возможностей», но его выбор необратим и не может быть однозначно просчитан. Для исследования такого рода систем начали применяться методы сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации, исторической реконструкции, теоретических схем и т.д.

В постнеклассической картине мира анализ природных явлений и процессов, также, как и общественных структур предполагает исследование открытых нелинейных систем. При этом, важную роль играют как исходные условия, локальные изменения и факторы случайности, так и индивиды с их рациональными и иррациональными установками, искажениями вследствие опыта, культуры, склонностей и предвзятостей. Поэтому следует изучать как специфику деятельности, так и ценностных характеристик субъекта. Как следствие, в эволюционных, неравновесных, открытых и саморазвивающихся системах возникают многочисленные варианты последующего развития. Но тогда получается, что упорядоченность, структурность, закономерность так же объективны, как неопределенность, стохастичность, альтернативность.

Следует обратить внимание и еще на одну сторону постнеклассической науки: если классическая и в значительной степени неклассическая науки опирались преимущественно на европейские культурные традиции, то постнеклассическая наука резонирует уже не только с «западными», но и с «восточными» мировоззренческими идеями, тем самым, открывая возможности для диалога культур и цивилизаций.

Здесь, как представляется, специфику современной науки очень точно уловил французский социолог и философ Жан Бодрийяр (1929—2007) в работе «Непрозрачность зла»: «...Конечной целью каждого освобождения является поддержание и питание сетей. Все, что освобождается, неизбежно подвергается бесконечным замещениям,

¹⁴ Стёпин В.С. *Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.*

тем самым, возрастающей неопределенности и непостоянству». И далее: «... Мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной той, что имеет место в физике микромира: провести расчеты в терминах: провести расчеты в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого так же невозможно, как вычислить одновременно скорость частицы и ее положение в пространстве. Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат. Каждая частица движется в направлении, заданном ее собственным импульсом, каждая ценность или часть ее лишь мгновение сверкает на небосклоне лицедейства, а затем исчезает в пустоте, перемещаясь вдоль ломаной линии, редко соприкасающейся с траекториями других ценностей. Такова схема дробления — нынешняя схема нашей культуры»¹⁵.

Однако мы должны оговориться, что переход к новой картине мира и изменение научного мировоззрения не происходило одномоментно. Это относительно длительный и довольно противоречивый процесс. Например, переход от ньютоновской к неклассической, а затем и постнеклассической картине мира еще отнюдь не завершен, в каком-то смысле мы все еще находимся в переходном периоде. Кроме того, картина мира обладает определенной инерционностью, она довольно долго утверждается и сохраняется, несмотря на новые открытия и идеи. Поэтому картина мира столь важна для методологии познания.

Хотя естественные науки в последнее время немало внимания уделяют саморефлексии, в особенности в рамках квантовой физики или теории относительности, а социальные науки разработали различные постпозитивистские и постэмпирические методологии, политическое по-прежнему преимущественно рассматривается в соответствии с механистической традицией. Развитие технологий, возможно, и позволило создать новые метафоры, отличающиеся от «классических» — государство как машина, государство как организм и т.д., сегодня мы чаще мыслим в терминах сетей или потоков, однако доминирующая политическая мысль по-прежнему структурируется вокруг ньютоновской оси. Иными словами, процесс вхождения политических наук в неклассическую и постнеклассическую эпоху отнюдь не прост, хотя попытки постоянно предпринимаются разными учеными-международниками (например, Александром Вендтом¹⁶).

¹⁵ Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. URL: royallib.com/book/bodriyyar_gan/prozrachnost_zla.htm (дата обращения: 1.08.2017)

¹⁶ См.: *Wendt A. Quantum Mind and Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015.

Картина мира — не просто следствие философских дискуссий и новых открытий в естественных науках. Это — признание культурного значения наук для общества на определенных исторических этапах развития.

Итак, онтологические основания науки различаются не только в зависимости от разных областей и дисциплин познания, но также и от их культурно-исторических типов. Повторим еще раз: классической науке был присущ однозначный детерминизм (жесткие причинно-следственные отношения); неизменность пространственно-временных размеров; характер взаимосвязи пространства и времени, определяемый на основании геометрии Евклида; всеобщая взаимосвязь всех явлений в мире; линейный характер изменения объектов; приоритет необходимости над случайностью, закономерность происходящего и т.д. Неклассическая наука допускала вероятностный детерминизм; относительность пространства и времени; равноправие и взаимодополнительность необходимости и случайности; неевклидов взгляд на пространство (искривленность пространства, опытный, а не априорный характер определения пространства и т.д.) и другие черты. Постнеклассическая наука настаивает на индетерминизме; приоритете случайности; относительности пространства и времени; и эволюционности и нелинейности (бифуркациях), условности закономерностей в природе и обществе; ко-эволюционности изменений и т.д.

Наука о международных отношениях восприняла изменение картины мира с немалым трудом, лишь фрагментарно, отнюдь не в «основном потоке» теории, а скорее где-то на флангах, с изрядным опозданием по сравнению с другими социальными науками, ее подход еще долго оставался механистическим, однако интерес к новому взгляду на мир начал постепенно проникать и в область международных исследований.

Глава 2. От позитивизма к постпозитивизму

В самом общем виде позитивизм как философия науки и методология предполагает, прежде всего, отрицание метафизики как раздела философии, занимающегося исследованием первоначальной природы реальности и бытия. Мартин Хайдеггер выделил три этапа развития метафизики, которые были основаны на трех разных способах понимания сущего. В античную эпоху сущее воспринималось просто как данность. В Средневековье — как объект творения: основные вопросы метафизики были связаны с божественным источником бытия. И, наконец, в период Современности (Модерна) сущее стало пониматься как объект, определяемый через сознание субъекта, «Я», личности. Но именно от этого позитивизм и попытался отказать как от бесплодной, излишне абстрактной и отвлеченной области познания. Начиная еще в первой трети XIX столетия (Огюст Конт), затем Эрнст Мах, Людвиг Витгенштейн и другие мыслители настаивали на очищении науки от умозаключений, не подтверждаемых эмпирическими свидетельствами.

Позитивизм рассматривает цель познания как описание феноменов, с которыми мы имеем дело, то есть того, что мы можем наблюдать и изменить. Все остальное — невозможно. Позитивистское мировоззрение в качестве пути к постижению истины, предсказания и контроля над миром, видит науку. Мир в целом носит детерминистский характер — он действует на основе причинно-следственных связей, который становится понятным благодаря научному методу. Наука, при этом, во многом воспринимается сквозь механистические линзы. При постулировании теорий, подлежащих тестированию, рассуждения преимущественно строятся на дедуктивном основании. В результате исследования ученые могли прийти к выводу о том, что теории не подтверждаются фактами, в этом случае теория подлежала пересмотру. Позитивисты верили в эмпиризм, будучи убежденными, что именно наблюдение и измерение — суть научного метода.

В основу науки был положен эксперимент — попытка вскрыть естественные законы через непосредственные манипуляции и наблюдения. В основе научных методов лежит логика и математика. Поэтому позитивизм обычно характеризуют как эмпирический, количественный, жестко сформулированный, оценивающий мир вокруг нас как состоящий из неизменных объектов и структур¹⁷.

¹⁷ Hirschheim R.A. *Information Systems Epistemology: An Historical Perspective*. London School of Economics, 1985. p.3. URL: <http://www.spk.uum.edu.my/aidi/KS3053/IS%20Epistemology-An%20Historical%20Perspective.pdf> (дата обращения: 1.08.2017).

Будучи частью последствий проекта Просвещения, позитивизм вышел за пределы естественных наук и начал контролировать также зародившиеся науки социальные. В этом он опирался на эмпирицистскую концепцию причинности шотландского философа Дэвида Юма (1711—1776): знание не может существовать за пределами того, что мы наблюдаем непосредственно, и то, что мы провозглашаем знанием — это всего лишь умозаключения и ассоциации того, что мы наблюдаем. Это знание должно быть дополнено методологией естественных наук¹⁸.

Если не вдаваться в детали, позитивизм обладает большой притягательной силой. Представляя знание о социальном мире в формулировках, сходных с естественно-научными, он открывает возможность использования также аналогичной методологии, а, стало быть, нахождения «научных» доказательств социальных теорий. Неудивительно, поэтому, что он действительно стал основанием для формулирования все новых и новых теорий на протяжении более чем столетия. Тем не менее, утверждение «истины как соответствия» — (и разделения субъекта и объекта) представляет одно из главных положений в позитивизме. Теоретические утверждения могут быть истинными до такой степени, до какой они точно отражают реальность; т.е. до той степени, до какой они отвечают фактам. А поскольку позитивизм противопоставляет субъект и объект, наблюдателя и наблюдаемое, то его целью становится наука как «процесс без субъекта»¹⁹.

В результате не только многие вопросы вообще не получили ответа, они даже не были поставлены. Так, позитивисты полностью проигнорировали значение роли сообщества ученых при производстве нового знания. Они не заметили тот факт, что стандарты, обеспечивающие «надежное знание» зависят от признания со стороны ученого мира. Наконец, жесткая приверженность принципам позитивизма, по существу, сдерживала развитие социальных наук, которые имели собственные задачи, методы и принципы. Тем не менее, именно позитивизм установил стандарты того, что долгое время понималось как теория международных отношений.

Уже в первой половине и особенно в середине XX века рамки позитивизма начали представляться все более тесными для целого ряда мыслителей, начиная с австро-английского философа Карла По-

¹⁸ *Smith S. Positivism and Beyond // International Theory: Positivism and Beyond. Ed. by Smith S., Booth K., Zalewski M. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. p. 11.*

¹⁹ *Rytovuori-Apunen H. Forget 'Post-Positivist' IR! : The Legacy of IR Theory as the Locus for a Pragmatist Turn // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40(2). p. 148.*

ппера (1902—1994). В отличие от позитивистов, Поппер пришел к выводу, что из метафизических концепций могут возникнуть вполне фундаментальные естественно-научные теории. Эту линию Поппера поддержали и в дальнейшем развили такие философы как Имре Локатос (1922—1974), Томас Кун (1922—1996) и Пол Карл Файерабенд (1924—1994) и некоторые другие. Локатос включил метафизику в свою исследовательскую программу, Томас Кун — в структуру парадигмы научного знания, Файерабенд — в «теоретический реализм», в соответствии с которым принятие теории детерминирует способ восприятия явлений — «язык описания» целиком определяется «языком объяснения». По существу, они создали основания для реабилитации метафизики, а затем и перехода к постпозитивизму. Наконец, американский политический мыслитель Ричард Рорти сформулировал постпозитивистскую философию науки, в которой несоизмеримость заняла центральное место.

Постпозитивизм не предполагал простого приспособления или частичной ревизии позитивистской позиции — он означал полное отрицание позитивизма. Важной особенностью постпозитивизма является ориентация на анализ не методов познания, а развития самого научного знания. Под вопрос были поставлены проблемы позитивистской эпистемологии, и методологии и даже сама претензия на формулирование подлинно «научных» теорий. Постпозитивизм начался с признания того, что научное и повседневное мышление не так уж сильно различаются между собой. Разница не в качестве, а в степени. Ученые следуют определенным процедурам для того, чтобы обеспечить точность, аккуратность и последовательность наблюдений, в обычной жизни, мы не бываем столь заботливыми. Но и здесь возникает немало ситуаций, когда тщательность оказывается даже выше, чем в лабораториях.

Обычно философию постпозитивизма обозначают как критический реализм. Постпозитивизм, в то же время, работает с уже устоявшимися в науке концептами — государством, международной системой, суверенитетом и т.д. Но в то же время он видит свою главную задачу в проблематизации сложившихся представлений.

Однако единого постпозитивистского подхода не было, а было сформулировано несколько их вариантов. Следствием этого стало начало дебатов в социальных науках и формирование нового «мыслительного пространства». Позитивизм был методологически догматичным и монологичным, теперь же началось возвращение к «методу Сократа», то есть постоянного диалога как способа познания. Поэтому постпозитивизм объединяет не столько единая платформа, сколько наличие

общих тем для обсуждения. Наиболее сильной стороной постпозитивизма стал критический анализ позитивистской мысли. Общим основанием предстают вопросы в отношении общепринятой практики: о парадигмах, о перспективах, о методологии и др.

Постпозитивисты отчасти адаптировали позитивизм. Они пытаются разработать единую логику выводов в количественных и качественных исследованиях и признают роль предварительного наблюдения и измерений, считая, что это может спасти социальные науки от угрозы излишнего увлечения спекулятивными и несистематизированными социальными исследованиями²⁰.

Короче говоря, постпозитивистская философия науки признает, что всякое научное исследование (естественные науки, а, при расширении, и социальные науки) предполагает интерпретацию свидетельств, связанных с теорией, с помощью средств, неотделимых от теорий, которые сами по себе никогда не выходят за рамки соглашений, достигнутых в сообществе исследователей. Постпозитивистская философия науки разрывает связь с позитивистской идеей «истины как соответствия» — в процессе этого разрыва отныне формируется пространство критической рефлексии.

Постпозитивистский поворот вызвал целый ряд других поворотов в отдельных областях исследования. Важнейшее значение, безусловно, имел «культурный поворот». Хотя интерес к культуре проявляли многие мыслители, особенно, в XIX столетии, постепенно культура начала помимо описательной выполнять также и эпистемологическую функцию, позволяя выявить наиболее важные черты в познании коллективности, хотя еще долгое время крайне непоследовательно.

Реальная возможность для международных внести свой вклад в разработку концепции культуры появилась лишь благодаря идеям американского антрополога и социолога Клиффорда Гирца, опубликовавшего в 1973 году книгу «Интерпретация культур»²¹. Гирц определил культуру как исторически транслируемый паттерн смыслов, воплощенных в символах, системе унаследованных концепций, выраженных в символической форме средствами, используемыми людьми для коммуникации и увековечивают и развивают свое знание и отношение к жизни. Под влиянием этой работы культура начала

²⁰ Kurki M., Wight C. *International Relations and Social Science* // Dunne T., Kurki M., Smith, S. (eds). *International Relations Theory: Discipline and Diversity*. Oxford: Oxford University Press, 2006. p.20.

²¹ Подробнее см.: Heertz Cl. *The Interpretation of Cultures. Selected Essays*. NY: Basic Books, 1973.

рассматриваться многими исследователями как социально установленные структуры смысла человеческой деятельности, система символов, с помощью которых группа транслирует знание через время и пространство, или, иначе, семиотическое измерение социальных практик. Тем самым, Гирцем и его последователями был предложен интерпретативный подход к изучению культуры, предполагающий включение элементов структурализма, герменевтики, понимающей социологии, философии символических форм и т.д.

Этот подход явился частью более широких тенденций развития эпистемологии и социальных и гуманитарных наук во второй половине XX века, часто обозначаемый как методологический «поворот к культуре». Хотя исследования этого направления и продемонстрировали в очередной раз согласие о несогласии относительно целей исследований, одновременно, однако, они символизировали разрыв с позитивизмом.

Поскольку концепций культуры сегодня много, и они составляют в известном смысле «конкурентную среду», никакая интерпретация имеющихся данных о мире, полученных социологами, экономистами, военными, учеными-естественниками и др., не может быть единственной. Обычно исследователь избирает способ интерпретации в зависимости от его способности обеспечивать приемлемые объяснения изучаемых явлений, а в особых случаях, при драматических изменениях в культурном контексте и смене культурных универсалий, — вследствие соответствия «духу времени». «Исследователь может стремиться вернуть культуре устойчивость, дать ей новые опоры, — указывает отечественный философ В. Порус. — Или, что не исключено, помочь ей уйти в историю, освободив место новой культуре. В любом случае он создает мифы, которых требует изменившаяся культурная среда. Характерная особенность этих мифов в том, что они «облачены в научные тоги», то есть, оформлены так, как это принято в науке, но отличаются своей очевидной «ангажированностью», подчиненностью философски определяемым целям»²².

«Постпозитивистский поворот», одним из проявлений которого стал подъем конструктивизма, позволил существенно переосмыслить как методологические инструменты исследований, так и обогатить концептуальный и понятийный аппарат социальных наук. Хотя почвой для конструктивизма выступил фактически весь постпозитивизм, будет неверным считать его просто синтезом разных парадигм этого направления.

²² Kurki M., Wight C. *International Relations and Social Science* // Dunne T., Kurki M., Smith, S. (eds). *International Relations Theory: Discipline and Diversity*. Oxford: Oxford University Press, 2006. p.20.

Подобно другим «поворотам» — лингвистическому, когнитивному, историческому и др., «культурный поворот» позволил существенно переосмыслить как методологические инструменты исследований, так и их понятийный аппарат. Он также способствовал зарождению новых областей знания и новых парадигм, а также методов исследования. Причины всех этих поворотов многочисленны и довольно сложны, но исследователи обычно связывают их с «кризисом» Модерна (Современности) в той части, в которой «его основания предполагают некие единства — автономный субъект, суверенное государство, «большая теория», а также их оппозиции — субъект/объект, я/Другой, внутренний/внешний. Отныне все они подвергаются последовательным «вызовам». Объективная реальность постепенно начинает заменяться текстуальностью, способы производства дополняются новыми возможностями информирования, репрезентация открывает путь симуляциям, империализм превращается в Империю знаков; легитимность традиции страдает по целому ряду направлений, объединявший ранее все это прогресс фрагментируется, а конвенциональная мудрость становится одним из многих конкурирующих между собой ритуалов власти, используемых для дисциплинирования международного сообщества. Это постмодернистский момент...» — подчеркивал Джеймс Дер Дериан²³. Как следствие, в теории международных отношений к концу 1980-х гг. распространились направления с префиксом «пост» — пост-классические теории, пост-марксистские, постструктуралистские и т.д.

Соответственно, под влиянием всех этих процессов началась фундаментальная реструктуризация теории международных отношений. В этом контексте уже вполне логично выглядело признание канадского международника Роберта Кокса о том, что «Теория всегда существует для кого-то и для какой-то цели... Не существует такой вещи как теория сама по себе, отвлеченная от времени и места»²⁴. Реструктурированная теория международных отношений становилась все более релятивистской, в том числе, по поводу самого процесса теоретизирования в отношении окружающего мира.

²³ Der Derian J. *Introducing Philosophical Traditions in International Relations* // *Millennium*. 1988. Vol. 17. № 2. p. 189.

²⁴ Cox, R. W. *Social Forces, States and World Order: Beyond International Relations Theory* // *Millennium*. 1981, Vol. 10, № 2. p. 128.

ЧАСТЬ 2.

КОНСТРУКТИВИЗМ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 1. Краткая предыстория

Строго говоря, ничего сверхнового в конструктивизме не было. Конструктивная установка имеет длительную историю в науке и в теории познания, хотя наименования сходных подходов неоднократно менялись. Как мы узнаем то, что мы знаем? И вообще, что такое знание? Но тогда, что же такое реальность? Это исключительно важные вопросы, причем не только для философов, занимающихся теорией познания, но для всех, кто интересуется науками, языком, ценностями, образовательными системами, психологией, даже компьютерным программированием, искусственным интеллектом и т.д. Или иначе, вопрос сводится к следующему: полагаем ли знание как абсолютное, не зависящее от познающего, то есть оно связано с соответствующей сферой внешней реальности; или же, наоборот, рассматриваем его как некий опыт того, кто исследует мир. Ответ на этот вопрос имеет далеко идущие последствия.

Идеи конструктивизма, как полагают многие исследователи, могут быть прослежены от древнегреческих философов Гераклита, Протагора, Платона, Аристотеля и др. В средневековой философии основной спор разворачивался между реализмом и номинализмом о реальном или чисто абстрактном существовании общих идей — «универсалий». Но и те, и другие полагали, что только Бог может дать нам знание «отдельных фрагментов» реального мира. Библия была книгой, в которой можно было найти ответы на все вопросы, но эти ответы никогда не были окончательными — истина заранее задана, но она недоступна и непонятна. Значит, нужно искать ответы хотя бы на частные вопросы. И здесь уже было никак не обойтись без логики и математики.

В эпоху Возрождения возобладал метод восприятия в процессе открытия истины. По крайней мере, с начала Модерна дихотомия «познанное — сделанное (сконструированное)» стала типичной для науки Нового времени и, соответственно, теории познания. Это позволило современным конструктивистам вписать в число своих пред-

течей Вико, Канта, Гегеля, Гуссерля и, из более поздних мыслителей — А. Шюца, Ж. Пиаже, Н. Лумана, Дж. Мида, П. Бурдьё, Л.С. Выготского и др., раскрывавших понятие «конструкта» как производимого человеческим сознанием идеального объекта, или классификационно-оценочного шаблона, через который человек воспринимает мир. Уже Кант полагал, что рассудок не извлекает правила своего функционирования из природы, а владеет ими априорно. Он выражал сомнение в возможности обретения абсолютного знания через восприятие. Джамбаттиста Вико (которого часто называют «первым настоящим конструктивистом») еще в 1710 г., провозгласил: Точно так же как истина для Бога заключается в том, что Бог познал путем творения, истина человеческая состоит в том, что человек познал, когда создавал и посредством собственного труда выковывал. Наука (*scientia*) и знание (*cognitio*) возникают из *spo-soba*, которым вещи производятся. Отсюда девиз Вико — *Verum ipsum factum* (истина есть сотворенное) («*factum*» происходит от «*facere*» — слова «факт» и «делать» — от одного корня).

В начале XIX столетия интерес к разуму человека среди философов и ученых заметно возрос. По существу, произошло возвращение к идее о том, что люди активно конструируют собственное знание и смыслы, опираясь на свой опыт. К концу столетия важное влияние на развитие этого течения оказала эволюционная теория Чарльза Дарвина. В частности, опираясь на нее, мыслители пришли к выводу о том, что человеческое понимание как продукт естественного отбора, не может дать «истинного» понимания мира в большей степени, нежели это абсолютно необходимо для выживания человека как вида.

Тем не менее, несмотря на столь длительную предысторию, конструктивизм так и не стал четко определенным концептом. В научной литературе по сей день можно встретить такие понятия как конструктивизм, конструкционизм или конститутивность с разными вариантами написания. Понятие «конструктивизм» связано с латинскими терминами «*constructivus*» (построение, конструирование) и «*constructio*» (присоединение, строительство). Или иначе, конструкция — общая система, включающая в себя взаимосвязанные и взаимозависимые части или элементы.

Наконец, сам термин «конструктивизм» был зафиксирован еще в начале 1920-х гг. группой советских художников, архитекторов и фотографов, хотя многие историки и искусствоведы причисляют к этому стилю уже Эйфелеву башню, построенную в Париже еще в 1889 году. Джеймс Дер Дериан полагает, что из истории конструктивизма невозможно изъять русского-советского живописца и фото-

графа Александра Родченко (1891—1956), еще в 1920-х гг. вместе со своей группой пытавшегося на революционной волне сформировать новую технологию политики, в основе которой лежало его утопическое мышление как конструктивиста, верившего в возможность сознательного, позитивного преобразования мира и человека под влиянием его собственного мышления²⁵. Отсюда предполагалось создание нового типа пролетарского, «производственного искусства» которое, говоря словами одного из его идеологов Бориса Арватова, будет не изображать красивое тело, а воспитывать настоящего живого гармоничного человека; не рисовать лес, а выращивать парки и сады; не украшать стены картинами, а окрашивать эти стены²⁶, и т.д., конструировать мир вокруг нового человека. Поставив в центр своей эстетики категорию конструкции, фабрично произведенной вещи конструктивизм не ограничился только этим, для развития философии конструктивизма важное значение имел акцент на «коллективной чувственности», усваиваемой отдельным индивидом — иначе, идея о том, что истина формируется в процессе коллективного действия. Конструктивизм в искусстве и конструктивизм в философии имели вовсе не формальное сходство, а глубокую идейную связь.

Современный отечественный исследователь А.М. Улановский почитает любые аналогии конструирования и конструктивизма опрометчивыми, равно как и поиски истоков конструктивизма в истории философской мысли искусственными. На мой взгляд, это неверно. Ничто, включая конструктивизм, не возникает из ничего, на пустом месте. У него были предшественники, хотя бы в плане настойчивых поисков тождества между создаваемыми моделями и реальным миром, его отражением будь-то в искусстве, науке, философии или знании в широком смысле²⁷. Поэтому дело отнюдь не только в семантической близости понятий конструктивизм в искусстве и конструктивизм в социальных науках, хотя сегодняшний конструктивизм придерживается эпистемологической позиции, которая хотя и слабо, но все же вполне узнаваемо напоминает первые попытки применения Советского образца.

Не случайно еще в 1934 году французский философ Гастон Башляр (1884—1962) провозгласил: Из ничего ничто не происходит.

²⁵ *Der Derian, James, "Virtuous War/ Virtual Theory," International Affairs, 2000, October, Vol. 76 (# 4), P. 783, Note 19, (771-788).*

²⁶ *Ермак, С., «Из воли Урала, труда и энергии. Почему конструктивизм имеет право на жизнь», Эксперт. Урал. 2015. № 35, С. 10.*

²⁷ *Улановский А.М., «Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация». Вопросы психологии, 2009, №2. С.33-45.*

Ничто не дано. Все сконструировано. Башляр — это уже мыслитель неклассической науки. Классическая наука предполагала реализм и использовала соответствующие рационалистические характеристики. Неклассическая наука уже опирается работает со сконструированными понятиями, аналогов которых в реальной жизни не существует (именно это он понимает под новым рационализмом). Таким образом, история эпистемологии показывает отчетливую тенденцию от статичного, пассивного взгляда на знание в направлении более адаптивного и деятельного подхода.

В 1967 году французский психолог Жан Пиаже (1896—1980) впервые употребил определение «конструктивистская эпистемология». Тем не менее, как считается в современной западной науке, термин «конструктивизм» он начал использовать в применении к социальным наукам еще в 1950-е гг. Однако признание вполне определенной эпистемологической позиции он обрел значительно позднее только в контексте «культурного поворота» 1970-80-х гг.²⁸

Будучи вдохновлённым теорией научного знания И. Канта, сторонник конструктивистской эпистемологии утверждает, что то, что мы знаем, не может быть результатом пассивного получения знания, а является продуктом активной деятельности субъекта. Мы не воспринимаем внешний мир «как он есть», а наши биологические и психические свойства детерминирует наше знание мира. При этом, конструктивисты не отрицают внешнюю реальность, но отвергают ортодоксальное утверждение о естественной связи между миром и «всей тьмой вещей». Заметим, что эта идея утверждалась в научном сообществе отнюдь не просто. Даже Ганс Моргентау все еще придерживался в некоторых отношениях до-Кантовского подхода: с одной стороны, подчеркивал значение концепта интереса, сформулированного акторами, и одновременно настаивал на необходимости выводов из эмпирических фактов.

В соответствии с предположениями конструктивистов, сфера осмысленных утверждений структурно отделена от сферы того, что французский мыслитель Жак Лакан (1901—1981) называет «реальностью». Перцепция и репрезентация — отнюдь не одно и то же. Перцепция на уровне здравого смысла некоего «субъекта», существующего вовне или до языка — это всего лишь аналогия, вытекающая из языка. Отсюда — тесная связь между конструктивизмом и «лингвистическим поворотом» в социальных науках, а вопросы

²⁸ Алексеева Т.А. *Химеры страны Оз: «Культурный поворот» в теории международных отношений*. // *Международные процессы*. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10, № 3. С.4.

языка и его формирования в контексте познания оказываются в эпицентре практически всех конструктивистских подходов.

Лакан писал, что Зигмунд Фрейд создал ложный психологизм (в виде символического интеракционизма). По мнению Фрейда, ребенок не рождается человеком, а становится им через включение в культурный порядок. Поэтому предметом психологии является не природа разума человека, а его превращение в человека. Лакан выделял три порядка (Реальное, Воображаемое и Символическое.). Коммуникация может принимать множество форм, с помощью которых ребенок познает мир, причем приобретенное «знание» часто не утрачивается, а подвергается подавлению. И здесь проходит существенное различие: если социальная философия под влиянием Витгенштейна делает акцент на Воображаемом порядке, марксисты, следующие за Лаканом (например, Жиль Делез, а также и такой известный пост-структуралист как Мишель Фуко), обращают внимание прежде всего на Символическое социальное взаимодействие, мир полный репрессарий.

Несмотря на то, что, по-видимому, один из наиболее важных вкладов в теорию познания внес Л. Витгенштейн, некоторые аспекты его взглядов так и остались не вполне проясненными. Витгенштейн верил, что индивид обучается или «социализуется», освоив имеющиеся социальные соглашения, однако он так и не объяснил, как конкретно осуществляется процесс социализации. Ответ на этот вопрос представлен двумя базовыми конструктивистскими позициями: символическим интеракционизмом, работающим с суверенным индивидом, и Фрейдовско-Лакановским психоанализом, рисующим социализацию как человеческую драму — болезненным процессом вхождения в Воображаемое и Символическое, который Мишель Фуко назвал «нормализацией».

Таким образом, с философской точки зрения идея конструирования постепенно стала опираться на эпистемологию, подчеркивающую субъективизм и релятивизм — хотя реальность может существовать независимо от опыта, она может быть познана только опытным путем, следствием чего становится уникальная личная реальность. В ее основу были положены следующие идеи:

Во-первых, знание не аккумулируется пассивно, а скорее является результатом активного познания со стороны индивида;

Во-вторых, познание — это адаптивный процесс, целью которого становится превращение индивида в более жизнеспособное существо с учетом конкретной среды;

В-третьих, познание организует и придает смысл опыту, а не просто является репрезентацией реальности;

В-четвертых, (этот тезис появился у поздних конструктивистов) — корни познания лежат как в биолого-неврологическом конструировании, так и социальном, культурном и языковом взаимодействии²⁹.

Таким образом, конструктивизм с самого начала признавал активную роль человека в собственном сотворении знания, а также значение опыта (как индивидуального, так и социального), и осознание того, что созданное значение будет варьироваться по степени точности репрезентации реальности.

Тем не менее, спорность и незавершенность процесса формирования конструктивизма как направления исследований заметна уже при первом приближении — не случайно, целый ряд авторов начинает с того, что вообще пытаются определить, о чем, собственно, идет речь. Что это, новая парадигма, тип мышления, метод или теория? Пока нет вразумительного ответа, а есть лишь разные точки зрения. В любом случае, общим для разнообразных течений в конструктивизме является отношение к «реальности».

Поэтому конструктивизм — не целостная теоретическая позиция, а континуум, т.е. непрерывная совокупность процессов, явлений; предполагающая преемственность в развитии. В литературе довольно часто можно встретить подразделение конструктивизма на «твердый» (hard) и «мягкий» (soft). «Твердый конструктивизм» (Онуф, Кратохвил, Козловски и др.) полагают, что социальные институты и структуры есть ничто иное как созданные людьми институты, которые поддерживают международную систему и государства благодаря нормативно сконструированным практикам. «Мягкий» конструктивизм — это эклектичная совокупность, включающая практически кого угодно, кто проявляет интерес к культуре, идентичности и нормам, и признают, что интересы акторов не являются раз и навсегда зафиксированными, а изменяются и возникают из социального контекста.

Предположения, лежащие в основе континуума, разнятся по целому ряду направлений, как следствие одновременно сосуществует несколько типов конструктивизма. Наиболее признанными являются три типа конструктивизма:

- когнитивный конструктивизм;
- радикальный конструктивизм;
- социальный конструктивизм.

Очевидно, что даже в рамках этих направлений не может быть единого взгляда на соотношение ключевых конструктивистских ка-

²⁹ Doolittle, Peter E., *Constructivism and Online Education* — <http://www.trainingshare.com/resouces/doo2.html>

тегорий («идентичность», «нормы», «коммуникация»). Тем не менее, это позволяет выделить некоторые точки соприкосновения и основные пункты разногласий между конструктивистами, то есть сконструировать некую структуру самого конструктивизма, что несомненно делает его идеи более доступными для изложения.

Глава 2. Типы конструктивизма.

Когнитивный конструктивизм обычно делает акцент на процессе познания. Поэтому особой популярностью он стал пользоваться в кругах, профессионально связанных с образованием. В соответствии с этим подходом, приобретение знания рассматривается как адаптивный процесс, то есть достижение результата предполагает активное участие обучающегося, приспособляющегося к окружающей среде.

Когнитивный конструктивизм опирается на эпистемологию, в соответствии с которой реальность рассматривается как внешняя по отношению к человеку, независимая от него, но она может быть познана им в процессе вхождения в мир. Знание становится результатом более или менее адекватной интернализации внешней реальности через определение процессов и структур, действующих место в реальном мире. Иначе говоря, реальность познаваема — в этом отличие когнитивного конструктивизма от социального и радикального. «Главная отличительная черта конструктивистского философствования состоит в том, что реальность представляется не как то, что дано изначально, а как то, что еще нужно установить, обнаружить, — подчеркивает отечественный исследователь В.О. Богданова — Это загадка, требующая своей разгадки. Это открытая динамичная система со свойствами неустойчивости и эмерджентности (т.е. наличия у какой-либо системы особых свойств, не присущих её элементам, а также сумме элементов — *Авт.*). Таким образом, целью познания, с точки зрения философского конструктивизма, является формирование конструктов феноменальной действительности, адаптированных к условиям окружающей среды»³⁰.

Соответственно, обучение означает создание внутренних моделей репрезентации внешних структур. Поэтому интерес когнитивных

³⁰ Богданова В.О. Педагогический конструктивизм: образование как адаптация // *Философия образования. 2012. № 5 (44). С. 42.*

конструктивистов как правило направлен на три важнейших проблемы: 1) выявление и определение процедур обучения; 2) выяснение того, как происходит сам процесс репрезентации и какими символами внешние структуры и процессы могут быть представлены; 3) определение, как репрезентации организованы в разуме человека.

Здесь необходимо сделать важную оговорку. Процесс обучения имеет длительную предысторию и на разных этапах исторического развития воспринимался по-разному. Сравним, например, современный когнитивный конструктивизм с бихевиорализмом, столь популярным в социальных науках в послевоенные десятилетия. Например, известный американский психолог Беррес Фредерик Скиннер (1904—1990) доказывал, что обучение происходит в том случае, если новый тип поведения становится стимулом для чего-то — стать таким же сильным, умным как преподаватель, завоевать награду, авторитет в своей группе сверстников и т.д. Тогда смысл обучения - в копировании и запоминании имеющихся образцов. Знание воспринималось как сакральная ценность, которая просто провозглашается и некритично воспринимается ради постижения поставленных целей.

Такой подход в принципе типичен для традиционного подхода к образованию. В образовательных программах, как правило, мало внимания уделяется становлению знания, его истории, дискуссиям и полемике между представителями разных течений, вообще, альтернативности мышления. Современные научные теории как правило догматически провозглашаются оплотом истины, чуть ли не навечно закрепленных в некоем своде знаний. Следствием этого становится не ускорение, а, наоборот, замедление развития мышления, складывание поверхностных представлений о мире, которые затем преодолеваются с изрядным трудом при появлении новых открытий и теорий. Такой «школярский» подход, сориентированный на заучивание азбучных «истин» получает все более широкое распространение, особенно на фоне превращения высшего образования в массовое в наиболее развитой части мира.

Когнитивные конструктивисты предложили более глубокий процесс познания и ментальных связей. Отсюда — идея обучения через решение разнообразных проблем, что предполагает не просто копирование вариантов поведения, а творческий подход, поиск новых вариантов решения. Это не новейшее изобретение. Близкие к этому взгляды высказывались уже философами психологами задолго до утверждения конструктивизма в социальных науках. Так, они могут быть обнаружены в работах американского мыслителя Джона Дьюи

(1859—1952), затем Жана Пиаже (1896—1980), Льва Семеновича Выготского (1896—1834), Джерома Брунера (1915—2016) и др.

По мнению американского философа Джона Дьюи, в педагогике ключевым понятием является адаптация человека к миру. Соответственно, знание рождается из индивидуального опыта, актуального для внешнего мира. Поэтому, знание — не цель, а средство обеспечения жизнедеятельности. Но это был лишь первый шаг. Ж. Пиаже, заложивший основы когнитивного обучения, ввел понятия «ассимиляции» для описания обретения новых навыков или, иначе, знания из взаимодействия с окружающей средой, а также «аккомодации», описывающей тот же самый процесс, но предполагающей модификацию имевшегося ранее знания. Он определил четыре стадии развития интеллекта ребенка.

Выдающийся советский психолог Лев Семенович Выготский принял идею Пиаже об интернализации знания в результате взаимодействия с окружающим природным миром, но включил в процесс также социальное взаимодействие. При этом, важную роль в его трактовке играет такая переменная как культура: язык, символы, инструменты обучения, социальные подсказки и культурные различия оказывают влияние на то, как именно индивиды интернализуют знание. Социальная теория развития включает также теорию «Зоны проксимального развития», расположенной между способностью индивида выполнять задачу с помощью другого (педагога или коллеги) и способностью выполнять ее независимо от других. На этой основе будущие конструктивисты сформулировали положение о том, что индивиды конструируют знание через сотрудничество, т.е. через социальную и осмысленную деятельность, предполагающую активное участие не только самого обучающегося, но и его окружения. В отличие от Пиаже, он остановился на 8 стадиях интеллектуального развития личности.

Работы Пиаже и Выготского, в свою очередь, оказали большое влияние на идеи Джерома Брунера, пришедшего к выводу о том, что обучающийся активно конструирует знание на основе уже имеющегося, его взаимодействия с окружающей средой, а также новой информацией. Он предположил, что существуют три стадии когнитивного познания, которые также могут рассматриваться как типы репрезентации для любой области знания. В отличие от теории развития Пиаже, они не зависят от последовательности или возраста обучающегося: 1) неактивная стадия: понимание и репрезентация мира через физические действия, моторику, манипулирование средой; 2) портретная стадия: репрезентация мира в «образах»; 3) сим-

волическая стадия: использование абстрактных идей, символов, языка и логики для понимания и репрезентации.

Работа Брунера оказали сильное влияние на современные теории образования, исследования в этой области, а также на методологию и методики преподавания, особенно начиная с 1960-х гг. Широкое распространение получила его модель «Обучения путем открытий», предполагающая активное вопрошание, создание гипотез, тестирование и разрешение проблем. Используя «спиральные учебные программы», требующие последовательного повторения основных идей и их наращивания и развития до тех пор, пока обучающийся не схватит всю когнитивную структуру, преподаватель выстраивает и организует последовательность представления информации в зависимости от задачи обучения и уровня знаний ученика. Этот процесс ускоряет когнитивное познание и овладение концептами. Как мы видим, Брунер полагал, что процесс образования и обучения не может ограничиваться поглощением даваемой информации или заполнением стандартных тестов. Он верил в значение творческого подхода и в значение трансформирующих когнитивных структур в жизни мотивированного человека, который учится на протяжении всей жизни и способен критично взаимодействовать с обществом, в котором живет.

Когнитивный конструктивизм как теория обучения часто трактуется в научной литературе как «слабая» форма конструктивизма, поскольку не отвечает всем его эпистемологическим требованиям. «Слабая» — это не ценностное суждение в духе «хуже—лучше», а просто указатель точности следования фундаментальным критериям принадлежности к конструктивизму как таковому. Таким образом, конструирование знания рассматривается просто как технический процесс создания ментальных структур, но практически не прислушивается к природе субъективного знания в разуме. Тем не менее, когнитивный конструктивизм в сочетании с исторической ассоциацией в производстве информации, привел к множеству важных эмпирических открытий в отношении обучения, памяти и познания в целом, включая теорию схематизации, работающих моделей запоминания, неврологические модели функционирования мозга, и т.д. Отсюда последовало множество педагогических обучающих методик.

Более того, дебаты между сторонниками когнитивного конструктивизма (последователями Пиаже) и социальными конструктивистами привели к созданию модели обучения, включающую диалектическую триаду «Я»— «Другой» — «Посредник», связанных символами (преимущественно языком). Соответственно, это позволило рассматривать процесс обучения как интерпретативный, рекур-

сивный, строительный процесс активных обучающихся, взаимодействующих с физическим и социальным миром. В то же время, конструктивизм — это все-таки теория обучения, а не описание преподавания, поэтому она не содержит инструкций, как это следует делать конкретно³¹.

На другом полюсе конструктивистского мировоззрения помещается радикальный конструктивизм. Радикальная эпистемология позволяет определить принципы, которые подчеркивают внутреннюю природу знания; что же касается внешней реальности, то даже если она существует, то остается непознаваемой для индивида, так как наш опыт отношений с внешним миром опосредуется нашими чувствами, а они не в состоянии создать точную репрезентацию внешних форм и объектов. «Радикальное отличие коренится во взгляде на вопрос о соотношении знания и действительности, — указывает американский философ Эрнст. фон Глазерсфельд (1917—2010) в работе «Введение в радикальный конструктивизм»: «...Радикальность радикального конструктивизма состоит прежде всего в том, что он порывает с общепринятой традицией и предлагает теорию познания, в которой понятие знания больше не соотносится с «объективной», онтологической действительностью, а определяется единственным образом как устанавливаемый порядок и организация опытного мира, формируемого в процессе жизни (проживания)»³².

Знание — результат активности субъекта, но это не манипуляции «вещами-в-себе», т.е. структурированными объектами. Познание, как и у Пиаже, это своего рода исследовательская программа выяснения того, каким образом разуму удастся сконструировать из эмпирического потока фактов и событий более или менее регулярный мир. Иными словами, «от древних греков до теоретических физиков современности исследователи вынуждены постоянно задавать себе один и тот же вопрос: открывает ли он законы природы или природа втискивается в предустановленные гипотезы путем тщательной подгонки экспериментальных наблюдений»³³.

Адаптивная природа знания означает, что знание не открывает объективную «истину», т.е. внутреннее знание не отражает объектив-

³¹ Fosnot C. T. *Constructivism: A Psychological Theory of Learning // Constructivism: Theory, Perspectives, and Practice*. Ed. by C. T. Fosnot. New York: Teachers College Press, 1996. pp. 8-33.

³² Фон Глазерсфельд Э. *Введение в радикальный конструктивизм*, *Centro di Terapita Strategica Vestnik Московского университета. Серия 7. Философия*. № 4. 2001. С. 59-81.

³³ Там же. С. 59-81.

ную реальность, а скорее более или менее близкую модель опыта. Предметы и события тождественны лишь в отношении тех свойств или составных элементов, которые выбраны для сравнения. А поскольку такие модели создаются индивидами, на них оказывает влияние контекст, в котором был пережит той или иной опыт; кроме того, он имеет отношение к достижению какой-то поставленной цели. Или, как подчеркивает Джон Ставер, «знание — это знание знающего, а не знание внешнего мира; корректировка знания означает корректировку его жизнеспособности или подстраивание к уже существующему, но отнюдь не приведение его в соответствие с внешним миром»³⁴.

В отличие от когнитивного конструктивизма, радикальный считается его «сильной» формой, поскольку рассматривает конструирование ментальных структур, включает в себя подход когнитивного конструктивизма, а также конструирует личный, собственный смысл. Таким образом, он охватывает более высокую степень конструирования, нежели когнитивный конструктивизм, «работая» со структурой и смыслом, в то время как когнитивный конструктивизм имеет дело только со структурой.

Социальный конструктивизм — занимает промежуточное положение между отражением познаваемой реальности, с одной стороны, и конструированием собственной реальности, чем занимаются радикальные конструктивисты, с другой. Это — наиболее полная версия конструктивизма, которая позволяет сформулировать принципы социальной природы знания, как результата социальных взаимодействий и языка, а поэтому, это коллективный, а не индивидуальный опыт. «Социальный конструктивизм» — это крайне широкое движение, включающее, как указывает Джон Рагги, веберовскую интерпретативную социологию, символический интеракционизм, несколько вариантов марксизма, институционализм Т. Веблена, разные постструктурализмы и герменевтику³⁵.

В социальных науках конструктивизм часто используется для представления «субъективистских», методологически индивидуалистических подходов, делающих основной акцент на социальных взаимодействиях между индивидами. Субъективистские теории

³⁴ *Staver J. Scientific Research and Oncoming Vehicles: Can Radical Constructivists Embrace One and Dodge the Other? // Journal of Research and Science Teaching. 1995, Vol. 32, № 10. p.1126*

³⁵ *Ruggie J.G. What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International organization. 1998. Vol.52. № 4. pp. 855-885*

тесно связаны с символическим интеракционизмом, особенно с трудами известного канадского социолога Ирвинга Гоффмана (1922—1982)., внесшего немаловажный вклад в разработку проблем социологии повседневности, социального интеракционизма, социального конструирования «Я» и т.д. В более широком смысле конструктивизм нередко рассматривается даже как вариант историзма, поскольку отрицает существование каких-либо вневременных структур и трансисторических паттернов поведения людей.

Таким образом, социальный конструктивизм, (одним из ответвлений которого стал конструктивизм в теории международных отношений), обратился к дискурсам, отношениям, взаимодействиям между людьми, отказавшись одновременно от всеобщих универсальных истин, то есть повернувшись лицом к многоголосию, к сообществу и диалогу как способам конструирования мира.

По мнению социальных конструктивистов, взаимодействие всегда осуществляется в каком-то социокультурном контексте, поэтому знание всегда связано с конкретным временем и местом. Об этом, в частности, писали Л.С. Выготский (1896—1934) и М.М. Бахтин (1895—1975). Истину невозможно обнаружить в голове отдельного человека, она рождается коллективно, во взаимоотношениях между людьми, в процессе диалога. Поэтому истина — не объективная реальность как у когнитивных конструктивистов, но и не экспериментальная реальность как у радикальных. Она социально сконструирована и относительно нее достигнуто согласие в результате соучастия в общих культурных практиках. В отличие от радикального конструктивизма, социальный конструктивизм, таким образом, носит более компромиссный характер. Социальный конструктивизм рассматривает консенсус между разными субъектами как высший критерий в оценке знания. Реальность связывается только с теми конструкциями, в отношении которых существует согласие большинства людей или большинства в данной социальной группе.

Социальные конструктивисты подчеркивают совместное конструирование смыслов в процессе социальной деятельности. поэтому социальный конструктивизм больше интересуется смыслами, нежели структурами.

Это объясняет множественность конструктивизма, различия в деталях и общих подходах, или, как часто утверждается, сколько конструктивистов, столько и конструктивизмов. Как писала американская исследовательница Шэрон Дерри, на конструктивизм претендуют разные «эпистемологические лагеря, которые отнюдь не считают друг друга «теоретическими товарищами». Идут заметные

дебаты среди философов, ученых и психологов относительно того, какой именно брэнд конструктивизма имеется ввиду... как его называть? Какой брэнд истинный? правильный? жизнеспособный? соответствует реальности?»³⁶. Поэтому разные авторы дают разную интерпретацию принципов конструктивизма и опираются на разные теории, внёсшие на разных этапах какой-то собственный внос в определение этого подхода.

Глава 3. Конструктивизм в международных исследованиях

Обращению теоретиков-международников к конструктивизму предшествовал ряд явлений, событий и процессов как в научной области, так и в сфере международных отношений³⁷:

- 1) Настоятельное требование со стороны ведущих рационалистов по отношению к авторам, пишущим в традиции критической теории, выйти за пределы метатеоретической критики рационализма и разработать содержательные теории международных отношений;
- 2) Неспособность неореалистов и неолибералов предсказать окончание «холодной войны», что поставило под вопрос объяснительную ценность этих теорий;
- 3) Появление нового поколения ученых, склонных к критическому теоретизированию, начавшие работать на неисследованных направлениях ТМО;
- 4) Энтузиазм со стороны разочарованных сторонников теории «рационального выбора», усмотревших в конструктивизме возможную альтернативу.

Таким образом, как было показано выше, конструктивизм сложился в процессе философских дебатов вокруг проблемы «Я, субъективности, индивидуальной перцепции реальности и т.д. Довольно быстро он занял важное место в разных социальных науках, и теория международных отношений не стала исключением. Целый ряд течений

³⁶ Derry S.J. *Beyond Symbolic Processing: Expanding Horizons for Educational Psychology* // *Journal of Educational Psychology*. 1992. № 84. pp. 413-418

³⁷ Reus-Smit Ch. *Constructivism* // *Theories of International Relations*. Ed. by S. Burchill et al. Basingstoke: Palgrave, 2005, Pp. 194-95; Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p.4.

ний в конструктивизме оказался весьма полезным при исследовании проблем международных отношений и мировой политики.

По мнению некоторых исследователей, конструктивизм проявляется в международных исследованиях в четырех ипостасях, в зависимости от уровня рассмотрения:

- философский конструктивизм;
- конструктивизм как метатеория;
- как способ создания теорий;
- и, наконец, как эмпирическое исследование³⁸.

Так, один из наиболее известных конструктивистов Александр Вендт понимает под ним не содержательную теорию, а философию социальных наук³⁹. Ее предмет — «онтология международной жизни» и главная цель — осветить онтологическую реальность интерсубъективного знания⁴⁰. В отличие от позитивизма и материализма в целом, рассматривающих мир как объективную реальность, конструктивизм видит в нем скорее «становление», нежели «бытие». Но он также не совпадает ни с идеализмом, ни с постструктурализмом, ни с постмодернизмом, воспринимающими мир только как воображаемый. Иными словами, это «третий», промежуточный путь познания.

Другие авторы, например, Эммануэль Адлер, рассматривают конструктивизм как «метатеорию», фокус которой обращен не столько на противоречие между «наукой» и «литературной интерпретацией «рассказов» (нарративов), или иначе, натуралистической концепцией науки, в основе которой лежат теории и философия науки), сколько на природу самих социальных наук и, соответственно, теории международных отношений⁴¹. Напомним, что метатеория» относится к типу эпистемологии, противостоящему онтологическому теоретизированию, поскольку имеет в качестве своего предмета саму по себе теорию, или иначе, «теория, предметом которой является другая теория». Можно сказать, и по-другому: это теория о теориях, но рассматривающая альтернативные объяснительные подходы и возможные исследовательские программы. Считается также, что это форма рефлексивистской критики научного подхода к изучению социальных наук, преимущественно интерпретативная «метатеория»,

³⁸ *DJorgensen K.E. Four Levels and a Discipline // Constructing International Relations: The Next Generation, Ed. by Fierke K.M., Jorgensen K.E. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2001. pp. 36-53*

³⁹ *Wendt A. Social Theory of International Politics. p. 5.*

⁴⁰ *Op. cit. p.370.*

⁴¹ *Adler E. Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations. London: Routledge, 2005. p. 88.*

опирающаяся на труды таких философов как Вильгельм Дильтей, Людвиг Витгенштейн и Р. Коллингвуд.

Поэтому, допустим вывод о том, что конструктивизм — все же не вполне теория в широком смысле слова, а разделяемая совокупность исходных посылок, которые могут быть представлены как методология. Некоторые исследователи вообще считают, что конструктивизм «остается методом и ничем иным»⁴². Дж. С. Баркин, например, рассматривает конструктивизм как кластер исследовательских методов и аналитических инструментов, «совокупность предположений о том, как изучать мировую политику», но не о том, как «политика работает», или иначе, это «скорее совокупность исследовательских методов, а не парадигма в том смысле, как это имеет место в случаях реализма, либерализма или марксизма»⁴³. Тот же Вендт оговаривается, что конструктивизм — не теория, так как не имеет ни предсказывающей, ни объяснительной функции, это лишь инструмент анализа⁴⁴. Но с этой точкой зрения согласны далеко не все.

В любом случае, пишет А. Вендт, отчасти противореча самому себе, задачей конструктивизма является создание «конституирующей» «теории» (т.е. по Гуссерлю, теории, обозначающей намеренную деятельность сознания по формированию своей предметности в качестве структур смысла), а также объяснение ее последствий для международных отношений. Каузальная (причинно-следственная) теория в отличие от конституирующей ставит вопрос «почему?» и показывает, как именно «временно предшествующий X создает независимо существующий Y». Конституирующая теория ставит другой вопрос «что?» и определяет «структуры, которые конституируют X или Y в первую очередь». Например, в этой оптике «холодная война» — следствие идей, которые американские и советские политики имели по поводу отношений между сверхдержавами. Неудивительно, поэтому, что многие конструктивисты обращаются именно к интерпретативной (герменевтической) эпистемологии. Социальные науки, полагают они, прибегают к интерпретативному исследованию для понимания смыслов, а отнюдь не к научному анализу причинно-следственных связей и отношений, как это происходит в реализме или либерализме.

⁴² *Checkel J. The Constructivist Turn in International Relations Theory. // World Politics. 1998. № 50 (2). URL: http://muse.jhu.edu/journals/world_politics/50.er_funnnemore.html*

⁴³ *Barkin J.S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. № 5. p. 338.*

⁴⁴ *Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. p. 392.*

Наиболее сильное влияние на конструктивизм в международных исследованиях бесспорно оказали достижения в области феноменологии и социологии (в частности, символический интеракционизм и этнографические методологии), в центре внимания которых находится поведение людей и социальное взаимодействие. Эти подходы во всем их разнообразии и многочисленных различиях имеют то общее, что рассматривают само взаимодействие людей как единицу анализа. Символический интеракционизм исходит из того, что люди видят мир с помощью социально развившихся представлений. «Реальность», следовательно, социальна в том смысле, что то, как именно мы воспринимаем мир и самих себя развивается во взаимодействии с другими людьми⁴⁵. Символический интеракционизм признает, что объекты могут существовать в физической форме, а поскольку они также становятся предметом интерпретации, они также выступают в роли «социальных объектов». Как следствие, люди живут и действуют в мире социальных объектов, поэтому мы и воздействуем не на какой-то внешний мир, а на мир, созданный и определенный другими через символическую коммуникацию.

Символический интеракционизм отвергает образ пассивного, структурно детерминированного субъекта как это происходит в структурализме, а рассматривает людей как находящихся в ситуации постоянного изменения благодаря взаимодействию. Субъект концептуализируется в качестве актора (действующего лица) через наши собственные действия.

Символический интеракционизм, возникший еще в 1920-е гг., строится на психологической теории «Я». Поэтому даже тогда, когда международники начинают рассуждать о государстве, они ему приписывают «Я», «самость», то есть вводят аналогию с поведением индивида в социальной среде. Но в отличие от традиционных теорий структур, которые не принимают во внимание деятельность, конструктивисты подчеркивают, что сами социальные институты — продукты человеческой деятельности. Но что же тогда следует понимать под «социальными институтами»? Можно привести множество примеров институтов — собственность, брак, финансы и т.д., очевидно, что они могут существовать вне определенного дискурса. «Социальные объекты» не могут существовать вне конкретных представлений со всеми их искажениями и неточностями. Даже в материальном смысле они

⁴⁵ Wacquant J.D.L. *The Purpose of Reflexive Sociology* // Bourdieu P., Wacquant L. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. p. 9.

предстают через интерпретацию с помощью языка. Социальные отношения придают смысл материальному потенциалу⁴⁶.

Конструктивизм, кроме того, — одно из наиболее ярких проявлений противостояния между рационалистами, в соответствии с взглядами которых мир управляется универсальными законами, с одной стороны, и рефлексивистами, подчеркивающими значение intersубъективных, разделяемых смыслов и дискурсов, всегда включенных в конкретный социальный контекст, с другой. Однако здесь все не так просто. Конструктивизм и с этой точки зрения оказывается посередине между рационалистическими теориями, такими как реализм, неореализм и неолиберализм; и интерпретативной эпистемологией — постструктурализмом в духе Жака Дерриды и Мишеля Фуко, а также критической теорией ориентирующимися на мыслителей «Франкфуртской школы», таких как Адорно, Хоркхаймер и из более поздних — Юрген Хабермас. Таким образом, конструктивизм — это взгляд, предполагающий, что то, «каким образом материальный мир формирует и сам формируется действиями людей и взаимодействия зависит от динамичных нормативных и познавательных интерпретаций материального мира⁴⁷.

Кроме того, конструктивизм в целом противостоит значительной части рефлексивистских теорий, прежде всего, в том, что не признает безбрежного эпистемологического плюрализма, то есть равноценности всех локальных форм познания. С онтологической точки зрения речь идет о его месте в противостоянии идее единства мира, в котором всякое развитие происходит под влиянием единых законов, и рефлексивизма, предполагающего, что многоголосие мира неизбежно. Конструктивисты и здесь пытаются оказаться посередине, признавая множественность мира, но допуская некоторые обобщения, впрочем, до определенных пределов. Интерпретация науки как единства в разнообразии предполагает, что, несмотря на наличие разнообразных исследовательских программ, на каком-то уровне они неизбежно оказываются в ситуации диалога. В этом плане, конструктивистская методология, добиваясь валидности своих результатов, опирается на правила научной коммуникации, в отличие от подавляющего большинства рефлексивистских подходов. В этой связи Эмануэль Адлер высказывает предостережение: рассмотрение конструктивизма, постструктурализма и постмодернизма под одной

⁴⁶ Polan R. *Constructivism and Globalization: From Units to Encounters in International Affairs* // *Cambridge Reviews of International Affairs*. 1994. № 17 (1). pp. 11-23.

⁴⁷ Adler E. *Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations*. London: Routledge. 2005. p. 90.

«шапкой» «рефлексивистского» подхода — это ошибка, подчеркнув еще не раз, что конструктивизм работает именно с социальным конструктом в отличие от них⁴⁸.

В отличие от неореалистов и неолибералов, конструктивисты отнюдь не стремятся к поиску универсальной истины в отношении пространства и времени. При этом, это вовсе не означает, что они в принципе отрицают достижения социальных наук. Конструктивисты используют обычные исследовательские методы, включая дискурс-анализ, генеалогию, структурно сфокусированные сравнения, экспертные интервью, наблюдения участников, контент-анализ мемуаров и архивных документов, статистический анализ и т.д. Более того, как мы подчеркивали выше, у конструктивизма в принципе нет одного-единственного метода исследования. Безусловно, они следуют принципам научной, аристотелевской логики, однако предпочитают ограничиться поисками типичного в разных географических зонах и периодах истории, не замахиваясь на универсальные законы и обобщения. Однако многие из исследователей этого направления все же полагают, что всякая рациональность, в конечном счете, обусловлена культурой.

Со временем обозначились два течения внутри конструктивизма, изучающего международные отношения — североамериканское и европейское, различающиеся довольно существенно в отношении целого ряда вопросов и методов исследования. Североамериканский вариант делает особый акцент на роли «социальных норм» и «идентичности» в конструировании мировой политики и определении результатов внешнеполитической деятельности; в нем по-прежнему доминирует позитивизм, а основной интерес сосредоточен на раскрытии дедуктивных механизмов «сверху-вниз» и каузальных (причинно-следственных — *AT*) отношений между акторами, нормами, интересами и идентичностью. Именно к этому лагерю с некоторой долей условности можно отнести, например, А. Вендта, Н. Онуфа, П. Катценштайна и др.

Европейский вариант уделяет внимание роли «языка», «лингвистических конструкций» и «социальных дискурсов» в конструировании социальной реальности и, разумеется, «идентичности»; в нем доминируют пост-позитивистские и интерпретивистские подходы, наряду с дедуктивной широко используется индуктивная (снизу-вверх) стратегия исследования. Среди его адептов можно назвать та-

⁴⁸ Adler E. *Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations*. London: Routledge. 2005. p. 90.

кого известного исследователя как Ф. Кратохвилл. Однако все различия между конструктивистами преодолеваются, как мы увидим ниже, их общей приверженностью социальному структурированию мировой политики.

Другую типологию предложил сингапурский профессор американского происхождения Тед Хопф, он выделяет два основных типа конструктивизма: конвенциональный и критический. Конвенциональный конструктивизм предлагает альтернативу общепринятой теории международных отношений, выдвинув исследовательскую программу, включающую пересмотр ряда базовых концептов: концептуализацию программы «баланса угрозы», дилеммы безопасности, теории сотрудничества, международного мира и ряда других вопросов.

Критический конструктивизм еще больше расширяет конструктивизм в плане его противостояния позитивизму. Он опирается на традиции «Франкфуртской школы» и предполагает включение критической позиции в исследовательский процесс. Наше знание о мире — его интерпретация людьми, оно находится в конкретной точке пространства с точки зрения исторического времени и культуры, т.е. оно социально сконструировано благодаря диалогу между культурой, институтами. Иначе говоря, критический конструктивизм исходит из того, что исторический, культурный и политический контекст конструирует наше представление о мире. «Я» и «Других». С точки зрения онтологии критический конструктивизм стремится понять, как именно социоисторическая динамика оказывает влияние на объекты изучения, а с точки зрения эпистемологии — как основания знания в данном контексте поддерживают эти объекты. Критический конструктивизм не просто рассматривает социальную и культурную среду, но предполагает изменение этой среды с целью ее улучшения. Или, как писал Юрген Хабермас, критическая теория направлена на то, чтобы сделать культурные мифы более ясно видимыми и открытыми для вопрошания в ходе разговора, диалога или саморефлексии.

Глава 4. Николас Онуф: конструктивизм правил

В конструктивизме есть немало так и не разрешенных противоречий, и напряженностей. Одно из наиболее значимых — это напряже-

ние между теми конструктивистами, которые ограничивают исследование правилами и их формированием; и теми, кто представляет так называемую «континентальную» (европейскую) традицию в философии, обращающимся к глубинной критике культуры. Начнем с рассмотрения некоторых идей сторонников правил. Считается, что утверждение самого понятия конструктивизм в теории международных отношений начинается с работ американского профессора Николаса Онуфа, опубликовавшего в 1989 году книгу под названием «Мир, который мы создаем: Правила и правление в социальной теории и международных отношениях»⁴⁹. В ней он доказывал, что государства во многом ведут себя также как индивиды, создавая собственный мир, в котором сконструированные людьми «социальные факты» соседствуют одновременно противостоят «грубым» природным фактам, которые не зависят от людей, а являются условиями человеческого существования. Поначалу книга сама по себе не вызвала большого интереса у международников, пожалуй, за исключением термина «конструктивизм», который до этого не применялся в международных исследованиях. Более того, она была даже подвергнута критике, хотя и не слишком активной. Равнодушие были связаны с тем, что конструктивизм был воспринят как вариант метатеории относительно того, как действуют социальные науки, иначе говоря, конструктивизм не был воспринят как содержательное знание или даже как гипотеза в отношении поведения государств и государственных систем. Только в середине 1990-х гг., благодаря некоторым альтернативным работам удалось представить конструктивизм в международных отношениях как содержательную теорию международного поведения. Однако понадобилось окончание «холодной войны» для того, чтобы возникли необходимые условия для полноценного признания конструктивизма как участника дебатов в области теории международных отношений, что произошло уже в 1990-е годы.

Тогда же в конце 1980-х гг., вспоминает Онуф, большинство международников придерживались либо либерального, либо реалистского течения — это были своего рода «зонтичные» теории, позволявшие обеспечить некоторое единство дисциплины. Либерализм продолжал свой дрейф в направлении международного права и международных институтов; реализм — гордился своей приверженностью позитивизму и соответствующим образом рассматривал смысл познания. Онуф был скорее сторонником либерализма и ин-

⁴⁹ Подробнее см.: Onuf N.G. *World of our making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. London: Routledge, 1989.

тересовался в то время международным правом. Однако со временем он пришел к выводу о том, что необходима своего рода интеллектуальная революция, которая смогла бы открыть новый путь для развития теории международных отношений. Он обратил внимание на то, что началось разветвление теории международных отношений, разные «школы» пошли своим путем — никаких дебатов, по его мнению, не было), причем они продолжают расходиться и сегодня. Одним из наиболее интересных, с его точки зрения, направлений были попытки рассматривать теорию международных отношений как социальную теорию. Именно в этом он усмотрел новые перспективы и возможности. Иными словами, новый подход должен был «нормализовать» ситуацию в ТМО, подведя под нее единый фундамент, и одновременно сгладить слишком узкую специализацию ученых в зависимости от их интересов и используемых процедур⁵⁰. Поиску такого фундамента и была по существу посвящена его книга.

Онуф начал с рассуждений о том, как сформировался современный мир, что он представляет собой с точки зрения социального устройства, с одной стороны; и как в этом участвуют люди, каковы последствия их деятельности, с другой. Его гипотеза предполагала, что два эти процесса имеют со-конституирующий характер, т.е. взаимно обуславливают и конструируют друг друга. По его мнению, социальная реальность состоит из правил и институтов, конструируемых посредством речевых актов. Актеры с помощью языка выражают свои желания и мотивации, превращая их в цели, в соответствии с которыми они действуют, т.е. «конструируют» или «реконструируют» нечто.

Что касается теоретических истоков его взглядов, то они во многом сформировались под влиянием идей «логического позитивизма», и, в особенности, «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна. Еще в начале XX века Г.Фреге, Бертран Рассел, Людвиг Витгенштейн, и другие мыслители предположили, что всякое знание о мире формируется только через язык. В дальнейшем это стало основанием для «лингвистического поворота» в философии, а затем и в других областях знания. Особенно важным для него стал тезис Витгенштейна об интересубъективности языка, позволяющей рассматривать его как активный фактор конструирования социальной реальности. Говорить значит действовать, реализовывать какие-то события, причем значение речевых актов определяется социальными

⁵⁰ Onuf N. *Rule and Rules in International Relations* // Erik Carsten Institute of International Relations and Human Rights, University of Helsinki, 24 April 2014. URL: <http://www.helsinki/eci/Eve>

нормами. Знакомство с философией языка подтолкнула Онуфа к размышлениям о связях между речью, правилами и правлением. Отвергнув априорный характер гоббсовской «войны всех против всех», Онуф доказывал в своих статьях и книгах, что общество есть продукт конструирования со стороны людей, в свою очередь конструируемых со стороны общества, через деятельность.

Конечно, Онуф не был прямым последователем Витгенштейна, однако он принял структуралистскую интерпретацию теории «языковых игр», а именно, тезис о том, что язык — это завершённый феномен и, следовательно, «смысл» возникает из отношений, внутренне ему присущих. Если применить эту идею к теории или парадигме, то тогда внесение изменений в теорию становится вопросом перестраивания иерархии отношений между отдельными концептами, все происходит внутри теории без обращения к «внешней» сфере. Именно это и пытался сделать Онуф. Его исторический анализ сосредоточен на истории идей, которые и подаются им как высшая причина истории.

Еще одним источником его теории стала работа И. Канта «Критика чистого разума», особенно его ответ на первый вопрос: «Что я могу знать?». Раскрывая образцы человеческого духа, И. Кант видел лишь несколько способных претендовать на всеобщность и достоверность знания, иначе говоря, на обретение статуса научности: это математика и теоретическое естествознание. Следовательно, нужно понять, что именно делает математическое знание всеобщим и достоверным, а затем применить полученное знание в качестве критерия научности к другим областям знания, в том числе, к международным исследованиям. Вывод Канта о том, что социальная действительность конструируется человеческим разумом, позволил Онуфу пойти дальше, акцентировав активную, а отнюдь не пассивную роль агентов.

Начав выстраивать свою гипотезу в отношении международных отношений, Онуф, прежде всего, переосмыслил концепт «политики», отказавшись от ее традиционных трактовок как неспособных охватить достаточное количество людей, участвующих в политическом процессе. С этой целью он ввел два понятия: «объединение» и «директивность». Объединение предполагает, что люди могут реально участвовать в политике, только объединившись с другими людьми. Следовательно, необходима координация действий, влияние людей друг на друга, появление лидеров, указывающих наиболее оптимальный путь. Это и есть директивность. Директивность реализуется не только через решения, но и через нерешения (традиции,

привычки, бессознательное поведение)⁵¹.

Социальная реальность состоит из правил и институтов, конституируемых с помощью речевых актов. Наибольшее значения имеют **правила**, именно они являются условиями правления в любом политическом обществе, включая международное. Соответственно, политическое общество опирается на директивность, оно состоит из социальных правил, направляющих поведение индивидов. Поэтому политикой является то, что координируется социальными правилами, выражающимися в трех основных типах: репрезентативы, директивы и комиссивы⁵².

Соответственно, Онуф выделяет три типа речевых актов: репрезентативы, директивы и комиссивы. Репрезентативы создают и воспроизводят социальные правила, а директивы и комиссивы относятся к индивидуальной сфере, поскольку выражают намерения человека. «Через речевые акты акторы не только констатируют факты, но и конституируют социальную реальность, — подчеркивает исследователь У. Азизов. — Это делается через:

(I) **репрезентативы**, которые имеют форму «я утверждаю, подтверждаю, считаю, требую, чтобы А рассматривалось в качестве Б; адресант при этом выражает свое желание, чтобы адресат принял высказанное им мнение;

(ii) **директивы** — «я приказываю, требую, разрешаю, чтобы актор А сделал Б; адресант выражает свое желание, чтобы адресат осуществил определенное действие;

(iii) **комиссивы** — «я обещаю, что я сделаю, могу сделать А; адресант связывает себя через обещание с определенным курсом действий в будущем»⁵³.

Три названных варианта речевых актов, собственно, и конституируют социальную реальность. При этом, все три варианта речевых актов интерсубъективны, то есть имеют социальные последствия с точки зрения разделяемых правил. При этом, вопрос об идентичности становится ключевым. Репрезентативы, кроме того, создают социальную онтологию, то есть правила социума, а директивы не имеют смысла без этой онтологии. Комиссивы понятны и воспринимаемы в обществе, только если они становятся конститутивными правилами, или иначе, воплощают моральные

⁵¹ Onuf N.G. *World of our making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. pp. 4-5.

⁵² *Ibid.* pp. 21-23.

⁵³ Азизов У. *Конструктивизм в международных отношениях*. СПб.: Алетейя, 2015. С. 51.

нормы, принятые в том или ином обществе.

Интерсубъективно разделяемые значения и смыслы, реализуемые в речевых актах, становятся правилами. Иначе говоря, социальные правила определяют значение слов, а отнюдь не наоборот. Поэтому правила не только регулируют действия, а конституируют их. Деятельность акторов, в свою очередь, приводит к воспроизведению социальных структур, иначе говоря, правил. Отсюда — взаимоконструирование и взаимозависимость агентов и структур в международных отношениях⁵⁴.

Три типа правил, которые Онуф разъясняет, опираясь на работы американского философа Макса Блэка, инструктирующие правила (must rules) — (аналог дорожного указателя); директивные правила (should rules); и правила участия или иначе, правила морального поведения — соответствуют речевым актам. Инструктирующие правила действуют как утвердительные речевые акты («Тем самым я утверждаю...»); директивные правила — директивным («Тем самым, я требую...»); и, наконец, правила участия - речевым актам общения («Тем самым, я обещаю...»). Три типа правил выполняют разные функции для агентов и структур в зависимости от их характеристик. Но самое важное, что они определяются не источником власти или морального авторитета и т.д., а социальной конвенцией.

Будучи взаимосвязанными группами правил, институты придают структуре ее социальный смысл. Трём типам правил соответствуют три типа институтов, и их создание предполагает функционально разные процессы. Они же превращают нас в агентов.

1) Инструктивные правила подтверждают статус людей или институтов, делая акцент на ценности различий между ними. Статусные группы рассматриваются как сети, конституирующие статусный порядок. Их можно расценивать как равных в одной и той же группе, но они различаются с членами других групп в зависимости от титулов, наград, призов, званий и т.д. Здесь особенно важен внешний референт, сама возможность коллективной оценки действий, порицания или поощрения.

2) Директивные правила относятся к служащим (в зависимости от властных полномочий и обязанностей), они ранжируются по рангу в определенном порядке, тем самым, создавая организацию. Ранги (в отличие от статусов) обычно зафиксированы заранее численно и функционально соответствуют определенным позициям. В этом случае также значение внеш-

⁵⁴ Onuf N.G. *World of our making* p. 58.

него референта весьма велико, однако оценка происходит со стороны старшего по званию, статусу, возрасту, положению и т.д., в зависимости от культурных особенностей того или иного общества.

3) Правила участия говорят о ролях, подобных тем, которые исполняются в театральном спектакле. Роли располагаются в горизонтальной плоскости (напомним, что Талкотт Парсонс считал их самыми важными единицами в социальной структуре), актеры являются членами одной и той же статусной группы и с точки зрения своего социального положения равны друг другу. Но в зависимости от роли — союзники, конкуренты или враги, они создают ассоциацию или общее партнерство. С точки зрения роли важное значение имеет внутренняя самооценка: достоинство, обоюдность, обещания и обязательства.

Речь используется для описания неких событий или явлений, но одновременно и для свершения определенных действий. Через речевые акты люди вступают во взаимоотношения с другими людьми, которые осуществляются в соответствии с правилами. Отсюда вывод: все правила определяются речевыми актами⁵⁵. В совокупности, правила подтверждают статусы, ранги и роли и, тем самым, индивидуально превращают каждого человека в агента или институт. Как следствие, всякий агент оказывается в положении, дающем ему возможность воздействовать на мир, однако только в пределах, очерченных правилами. А поскольку каждый агент — уникальное социальное существо, и общества по-разному воздействуют на агентов, то и характер их воздействия на мир различается. Кроме того, влияние на общество зависит от целей агентов и их мотиваций, а также средств, имеющихся в их распоряжении.

Онуф опирается не на психологическую теорию «Я», а на идеи известного социолога Эмиля Дюркгейма, размышляя о том, что же все-таки становится причиной паттернов поведения и социальных структур в сконструированной социальной реальности. Онуф отказывается от способа организации общества в духе Томаса Гоббса, т.е. как «Левиафана». Установление общественного порядка — следствие интернализации правил и норм, превращающих разрозненных индивидов в единое общество. Согласие с речевыми актами ведет к их институционализации. Соответственно, ответ на вопрос о причинах паттернов и тенденций Онуф видит в концепции социальных институтов, которые он понимает, как внешнюю реаль-

⁵⁵ Onuf N.G. *World of our Making*. P.81.

ность, тождественную биологической метафоре «структур». «Я» — это объект собственных действий актора. Индивид действует в отношении других: он (она) действует также в отношении себя. Это не «Я» действую, а актор, который действует»⁵⁶.

Онуф выявил тесную связь между правилами как инструментами социального контроля и правилами системы распределения привилегий. Он показывает три типа правил с точки зрения их функциональности в международном обществе — гегемония, иерархия и гетерономия.

Гегемония обычно трактуется в соответствии с идеей Антония Грамши (Власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии. Механизм власти — не только принуждение, но и убеждение. Причем имеется ввиду не зафиксированное, однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс). Акторы монополизируют право на конструирование социальных смыслов и через манипулирование, идеологические технологии и пропаганду доводят их до подчиненной части общества, принуждают их принять как будто «добровольно» правила игры. В результате общество приобретает стабильный характер. Подчиненные, как правило, не осознают, что им навязывают определенное мировоззрение. В результате подчиненный класс принимает свою роль как естественную и неизбежную, — подчеркивает Онуф⁵⁷. В качестве примера обычно приводят США после окончания «холодной войны».

Иерархия как форма правил воспроизводит деберовскую модель государства или любой другой организации как цепи команд. **Гетерономия** — идея, заимствованная Онуфом у Канта, представляет собой прямой вызов анархии международной системы, поскольку, будучи сочетанием гегемонии и иерархии, допускает вариант, аналогичный «саморегулирующемуся рынку». Речь идет не об отсутствии правления, а своего рода спонтанном порядке. Это типичная картина либерального общества. По мнению Онуфа, с началом Модерна (Современности) произошел поворот к гетерономии, поначалу выраженной в идее, что государствам присуще суверенное равенство, а позднее в виде аналога западного либерального общества.

В то же время, Онуф ясно отдает себе отчет в существенных различиях между внутривнутриполитическим обществом и международным — внешним по отношению к национальному государству. Но как

⁵⁶ Radcliffe-Brown A.R. *Structure and Function in Primitive Society: Essays and Addresses*. London: Cohen & West, 1952. p.72.

⁵⁷ Onuf N.G. *World of our making*. p.209.

только он вышел за пределы внутривполитического сообщества, появилась известная проблема анархии системы, которую нужно было как-то разрешить. В конце 1980-х гг. в теории международных отношений преобладал взгляд на анархическую природу международной системы, предполагавший, что она возникает вследствие отсутствия правил, которые делают возможным превращение государства в правовой порядок. Соответственно, правила практически отождествлялись с международным правом, международный институционализм не принимался во внимание, а попытки перенести внутривполитические правила вовне воспринимались в лучшем случае как наивность. При таких взглядах политический реализм, а своих разных инкарнациях оказывался единственным адекватным вариантом объяснения анархии. Но именно с этим Онуф и не согласился. Он обратил внимание на наличие множества самых разнообразных правил, которые регулируют отношения между государствами — их настолько много, и они затрагивают такой широкий спектр вопросов, что ни для какой анархии не остается места. Однако множества правил отнюдь не означает, что для анархии вообще не остается места. Речь идет скорее не об анархии как системе, а о наличии ее некоторых элементов анархии. Логика здесь такая же, как и у реалистов, которые несмотря на все декларации об анархии, все же признавали, что действуют механизмы, не позволяющие международным отношениям окончательно превратиться в хаос, например, «баланс сил», «концерт» «великих держав», признание сфер влияния, биполярность и т.д.

Именно с этим связано значение, которое Онуф придает правилам. Либералы обычно подразделяют их на две категории — регулирующие и конституирующие, противопоставляя их друг другу. Онуф считает, что любые правила регулируют поведение просто по определению и, вследствие этого, формируют некие структуры, в которых и функционируют. В этом заключается регулирующая функция всех правил, создающих связи между агентами и миром, находящимся в процессе постоянного изменения. Как следствие, структура постоянно перестраивается по мере того, как правила одновременно выполняют свою конституирующую функцию. В этом смысл агент-структурных отношений и соответствующей проблемы. Тем самым он отходит от рассмотрения системы международных отношений через дихотомию «международная анархия / внутренняя иерархия». Рассматривая политическое сообщество через интересубъективизм, он показывает, как именно придаваемый смысл изменяет характер объектов.

Если анархия не соответствует намерениям агента, тогда между-

народные отношения вообще не являются анархией. При гетерономии автономные агенты (а отнюдь не общества) действуют свободно, но их автономия всегда ограничивается другими агентами. Осуществление автономии делает гетерономию социальным условием, которую агенты воспринимают как очевидно ненамеренное последствие их индивидуального выбора. Стало быть, международное сообщество управляется гетерономно, поскольку государства реализуют свою независимость на основании принципа суверенитета и определенного набора правил участия, обеспечивающим им права и обязанности по отношению друг к другу. Независимость одного государства ограничивает независимость других государств и все они вынуждены принять ненамеренные последствия как следствия множества индивидуальных выборов. На фоне этих общих условий действует также немалое число институтов, разными способами, вносящими свой вклад в действующие правила. Агенты, как государственные, так и негосударственные, постоянно работают с этими институтами. Какими бы они ни были, они созданы в соответствии с намерениями агентов, в том числе и намерением быть управляемыми.

Таким образом, Онуф не отрицает наличие анархии в международной системе, она вполне возможна, если страны, используя безуспешные речевые акты, сами ее формируют. Однако весьма вероятно отсутствие анархии, особенно в среде тех стран, которые сумели выработать разделяемые нормы и правила. В качестве примера он приводит Европейские сообщества. Причем речь не идет о какой-то форме наказания нарушителей этих норм, а скорее обращает их внимание на сам факт нарушения правил.

В плане международных исследований Онуф высказал мнение о том, что международное право (законы, конвенции, договора, процедуры и пр.) — продукт речевых актов, превратившийся в социальную реальность. Если они являются успешными, то международные режимы, институты и организации функционируют вполне действенно, в противном случае они остаются только декларациями на бумаге.

Проект Онуфа был исключительно амбициозным. Он не просто попытался применить конструктивистскую интерпретацию к уже существующим теоретическим конструкциям, а немного-немало «реконструировать» всю теорию международных отношений. Разумеется, ему это не удалось. Международные отношения как таковые — это также форма конструкции. Большинство концептов, которые сегодня используются в теории международных отношений, были сформулированы в Европе еще в XIX столетии. Онуф это понимает, поэтому попытался разрешить эту проблему. По его мнению,

с конструктивитской точки зрения никакая теория международных отношений невозможна в принципе, необходимо отбросить ТМО как дисциплину, однако теория все-таки возможна, но как теория, сообразная международным отношениям в данный момент, поэтому он предложил применять новую трансдисциплинарную парадигму. Так, он не стал подвергать реализм критике, а рассматривал предпосылки, способствовавшие появлению таких концептов как анархия, опора на собственные силы (самопомощь), которые были очевидными для участников социального взаимодействия⁵⁸.

Более того, даже собственную теорию Онуф также рассматривает как форму конструкции. Все теории, полагает он, строятся вокруг «операционной парадигмы», под которой понимается совокупность практической деятельности, обладающая определенной связностью, позволяющая отделить ее от других практик⁵⁹. А поскольку объект исследования не существует независимо от перцепции и убеждений человека, истинность «операционных парадигм» несущественна. Они просто воспринимаются как истинные при определенной исторической конъюнктуре, так как конструирование реальности осуществляется теми, кто в ней участвует. Например, национальное государство — не объективный факт, а социальный, которым оно становится в силу того, что национализм привносит изменение в способ мышления людей о самих себе и их отношении к существующим институтам. На этом основании Онуф сделал вывод о том, что международные отношения (по крайней мере, в США) были построены на базе неадекватной «операционной парадигмы», т.е. как субдисциплина политической науки, которая занималась внутренней политикой. Отличие — в отсутствии формального авторитета вовне. Однако такой взгляд предполагает наличие границы между «внутренним» и «внешним», а она, по мнению Онуфа, не существует. Поэтому теория международных отношений может быть только трансдисциплинарной теорией, опирающейся на междисциплинарную «операционную парадигму».

⁵⁸ *Wendt A., Friedheim D. Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // International Organization. 1995. Vol. 49. №4. p. 692.*

⁵⁹ *Подробнее см.: Wolin R. The Terms of Cultural Criticism: The Frankfurt School, Existentialism, Poststructuralism. New York: Columbia University Press, 1992.*

Глава 5. Конвенциональный конструктивизм: Александр Вендт

Среди международников-конвенционалистов наиболее ярким и часто цитируемым автором-конструктивистом является, безусловно, Александр Вендт, который с момента появления его эссе «Проблема агента-структуры в теории международных отношений» в 1987 году стал участником практически всех дебатов в этой области⁶⁰.

Александр Вендт родился в Майнце (ФРГ) в 1958 году, но вся его научная карьера связана с США, Он защитил диссертацию в Университете Миннесоты. Затем в течение восьми лет преподавал в Иельском университете, Дартмутском колледже, и с 1999 по 2005 гг. был профессором Университета Чикаго. С 2004 года преподает в Государственном университете штата Огайо. В 1999 году он опубликовал свою знаменитую книгу «Социальная теория международной политики», которая сразу же сделала его признанным лидером в конструктивизме. Остановимся на основных идеях идеям конструктивизма сквозь призму А. Вендта.

Реальность как социальный конструкт. Подобно другим конструктивистам, Вендт утверждает, что чуть ли не все элементы мировой политики «социально сконструированы». Вендт пишет, что «фундаментальным принципом конструктивистской социальной теории является то, что люди действуют по отношению к объектам, включая других акторов на основе смыслов, которые для них имеют эти объекты. Иными словами, на основании той ценности, которую они для них представляют, и того, как именно они интерпретируются в обществе, в котором действуют. Смысл терминов, на основании которых предпринимается действие (например, сотрудничество) основывается на разделяемых интересах⁶¹. Как мы видим, речь идет о коллективном смысле, возлагаемом на объект. Например, государства действуют в анархической среде, при этом международные отношения имеют социальный характер, поскольку акторы сами создают именно такую социальную реальность.

Таким образом, идея о том, что объекты анализа (онтология) социально сконструированы сопровождается у Вендта утверждением, что социально сконструированной является также и эпистемология,

⁶⁰ *Wendt A. Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. №41 (3). pp. 335-370.*

⁶¹ *Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. p. 394.*

соответственно, объяснение и описание происходящего осуществляется с помощью целого ряда методов, стало быть, такой подход распространяется и на методологию. Онтология, эпистемология и методология создают конструктивистский «треугольник».

«Социальному конструированию» противостоит материалистический подход, предполагающий, что материальные объекты (будь-то факторы военной силы, ресурсы, экономический потенциал, финансовые потоки, даже политика) видоизменяют результаты деятельности, вне зависимости от того, какие идеи или планы были положены в их основу. Поэтому в противоположность реализму, для которого международные отношения — это прежде всего вопрос безопасности и материальных интересов, определяемых через силу, а также вопреки либеральным интернационалистами, концентрирующим свое внимание на взаимозависимости международных акторов, конструктивизм рассматривает международную политику как сферу взаимодействия, формируемую благодаря идентичности акторов, а также практике находящейся под влиянием постоянно изменяющихся нормативных институциональных структур. Если реалисты и либералы рассматривают международных акторов как «до-социальных» «атомистических эгоистов, чьи интересы формируются до социального взаимодействия, которое осуществляется с материальными или стратегическими целями, акторы в конструктивизме — социальны по самой своей сущности, а их идентичности и интересы — «продукты интересубъективных социальных структур» — разъясняет позицию Вендта Кристиан Реус-Смит из Корнелльского университета⁶².

Это не означает, что конструктивизм в принципе отвергает материальный мир, ибо интересубъективное знание и материальный мир хотя и взаимодействуют друг с другом, однако им присуща относительная автономия. Вопреки представлениям неореалистов, материальный мир не может полностью детерминировать то, как именно люди или государства ведут себя на международной сцене. Он лишь в определенной степени ограничивает возможности интерпретации и конструирования интересубъективного мира.

В большинстве конструктивистских подходов материальный мир лишь накладывает определенные ограничения как на действия, так и на социальную структуру, но отнюдь не полностью детерминирует их. В игру вступает субъективный фактор. Тем самым, конструктивизм противостоит репрезентации, предполагающей, что наши знания суть отражение объективной реальности, наоборот, он акцентирует роль субъективного разума в построении картины мира.

⁶² *Reus-Smit Ch. Constructivism. pp. 193-96.*

Материальный мир формирует социальный мир и одновременно сам формируется благодаря социальному миру. Смыслы, предлагаемые материальным миром, таким образом, более уже ему не принадлежат. Они уже выведены за его пределы и превратились в социальные факты, из которых люди конструируют свой интерсубъективный мир — окончательный арбитр смысла. Тем самым, смысл как продукт социального взаимодействия обретает социальный контекст.

Материальный объект, таким образом, имеет разные смыслы, в зависимости от социальных контекстов, в которых он существует. Поэтому конструктивисты не отрицают материальный мир (вопреки утверждению, которое часто можно встретить в относительно поверхностных текстах и учебниках, в том числе, к сожалению, российских), а инкорпорируют его в качестве *одного из аспектов* своего подхода. «Материальные силы вторичны, но они имеют значение, поскольку сконституированы в соответствии с определенным смыслом для акторов», — утверждает А. Вендт⁶³.

Это ставит более общую проблему **отношений между структурами и агентами**, судя по всему, тема, особенно интересная для Вендта. Напомним, что под структурой конструктивисты обычно понимают «институты и разделяемые смыслы, которые создают контекст международных действий, а под агентами ... любую единицу, которая действует в этом контексте»⁶⁴. Конструктивисты, включая Вендта, попытались показать, что «структура» — отнюдь не дана свыше, а формируется (конструируется) благодаря социальной практике. Вендт подчеркивает одинаковый онтологический статус агентов и структуры, поскольку они взаимно обуславливают и трансформируют друг друга в процессе развития. Более того, будучи социальным, а не материальным явлением как считали, например, неореалисты, структура как таковая существует только как результат взаимодействий и взаимовлияний.

Вполне понятно, поэтому, что именно вокруг проблемы агентов/структур сформировался «узел» противоречий в отношениях между конструктивистами и неореалистами. В то же время, приходится признать, что между ними довольно много общего: так, и неореалисты, и конструктивисты рассматривают государства как базовые единицы анализа.

Но далее начинаются расхождения. Например, Кеннет Уолц — один из наиболее ярких представителей «неореализма», сформули-

⁶³ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. p. 24.

⁶⁴ Hurdt J. *Constructivism // The Oxford Handbook of International Relations*. Ed. by Ch. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press. 2010. p. 303.

ровал три «образа» мировой политики. В отечественной литературе часто говорят «об уровнях»): первый образ — поведение людей рассматривается как основа мировой политики, при этом фокус исследования направляется на индивидуальные мотивации, человеческую уязвимость и т.д.; второй образ — акцент на внутренней структуре государств, внутреннее устройство государств становится объяснением мировой политики; третий образ — анархия как международная система; внимание исследователя обращено на систему, в рамках которой существуют государства, что позволяет объяснить их поведение⁶⁵.

Очевидно, что неореалисты рассматривают структуру только как тип распределения материальных потенциалов, в то время как конструктивисты добавляют к нему социальные отношения, в которые они включают разделяемые знания (идеи и перцепцию в отношении других акторов и шире — как устроен этот мир; материальные ресурсы — деньги, золото, вооружения, ракеты и прочее); и практики — что именно делают акторы, т.е. социальные структуры существуют только в процессе. Вследствие этого конструктивисты противопоставляют идею «сообщества безопасности» (доверие и сотрудничество в разрешении конфликтов и т.д.) неореалистской «дилемме безопасности», в основе которой лежит недоверие друг к другу, ожидание наихудшего, и акцент на самопомощь. Главное же, что между структурами и акторами существуют взаимно конституирующие, интерактивные отношения — именно в этом смысле писал о структуризации (точнее — структуриации), например, такой видный социолог как Энтони Гидденс⁶⁶.

Однако дело не ограничивается последствиями взаимодействия между единицей (актором) и системным уровнем. Здесь проходит еще одна граница между воззрениями политических реалистов и конструктивистов Вендтовского толка. Кеннет Уолц, например, исходил из того, что государство — неизменяющаяся единица в принципе, хотя и оказывает влияние на систему. Конструктивистский подход, наоборот, предполагает, что действия государств вносят свой вклад в формирование институтов и норм международной жизни, а последние, в свою очередь, оказывают влияние на социализацию и деятельность государств. Таким образом, предполагается взаимное влияние агентов и структуры, что, в конечном счете, и обеспечивает динамизм системы.

⁶⁵ Hurd J. *Constructivism // The Oxford Handbook of International Relations*. Ed. by Ch. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press. 2010. p. 303.

⁶⁶ Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуриации*. Москва.: Академический проект, 2005.

Конструктивисты исходят из того, что идентичность, культурные и религиозные ценности, политические взгляды, политические институты создаются, то есть конструируются в зависимости от желания акторов. Или, иначе, фокус социального конструктивизма направлен на сознание и интересы человека, и его место в мире. А это означает, что международная система — это не нечто от нас бесконечно удаленное, она не может существовать сама по себе. Она появляется только благодаря интесубъективному интересу людей, с этой точки зрения она конституируется идеями, а не материальными силами. Если развить эту мысль, то можно сказать, что международная система — продукт сотворения людьми совокупности идей и системы норм и правил, созданных в конкретное время и в определенном месте. Поэтому конструктивизм уделяет особое внимание целям, угрозам, страхам, идентичности и другим элементам «социальной реальности», рассматривая их как социальные факты.

Обратим внимание еще на одну сторону трактовки взаимоотношений между агентами и структурами. Подобно другим конструктивистам, Вендт также полагает, что идеи, оказывающие влияние на мировую политику и международные отношения, это нечто большее, нежели просто индивидуальные взгляды и убеждения. Речь идет об интерсубъективных (то есть разделяемых многими людьми) и институционализированных идеях, проявляющихся в форме практик или идентичностей, воплощенных не только в мировоззрении, но и в «коллективной памяти», процедурах, системе образования и воспитания, и риторике государственных деятелей.

Представление о реальности в конструктивизме, по Вендту, таким образом включает материальное, субъективное и интерсубъективное измерения мира. При этом, особое значение имеют две переменные — идеи и социальные нормы.

Таким образом, конструктивизм как структурная теория международной системы строится на нескольких ключевых утверждениях, — подчеркивает А. Вендт:

- (1) государства — основные единицы анализа в международной политической теории;
- (2) ключевые структуры в системе государств скорее носят интерсубъективный, чем материальный характер; и
- (3) государственная идентичность и интересы в более значительной степени конструируются этими социальными структурами, нежели придаются системе извне природой

человека (как подчеркивают неореалисты) или внутренней политикой (что понравилось бы неолибералам)⁶⁷.

Таким образом, ключевой концепт в конструктивизме А. Вендта — идеи как общие, так и частные (индивидуальные). Общие идеи, будучи частью социальной структуры, образуют культуру. Здесь также весьма важна социальная роль того или иного агента.

Анархия в международной системе. В конструктивизме, также как в неолиберализме и неореализме, анархический характер международной системы играет важнейшую роль. В системе отсутствует какой-либо высший авторитет, она состоит из единиц-государств, которые формально являются равными, поскольку обладают суверенитетом над своей территорией, но в ней отсутствует единство.

В случае неореализма приводятся обычно следующие аргументы: анархия относительно неизменна; она означает четкие ограничения для акторов; она независима от специфических исторических конфигураций авторитета, власти и легитимности. Таким образом, анархия оказывается эквивалентом «природы вещей», или гоббсовского «естественного состояния» в мировой политике. Проблема заключается в том, что не обращая внимания на вопрос о природе идентичности и интересов акторов в системе, а также на смысл социальных институтов (включая и саму анархию), структура в неореалистской оптике не может дать какой-либо адекватной информации относительно того, будут ли государства «друзьями» или «врагами», признают ли они суверенитет друг друга, связаны ли они династическими узлами, стоят ли они на позициях ревизионизма или придерживаются статус-кво и т.д. — полагает Вендт⁶⁸.

Государства, в соответствии с неореалистской логикой, рассматривают безопасность через призму конкуренции как «игру с нулевой суммой»: если одно государство увеличивает свою безопасность, то это означает снижение уровня безопасности для другого. Вендт отмечал, однако, что если государства придерживаются каких-то альтернативных подходов к безопасности (например, «ко-оперативного, т.е. допускающего возможность максимизировать свою безопасность, не нанося ущерба безопасности других государств; или «коллективного» когда государства идентифицируют безопасность других государств как самоценность, анархия вообще оказывается не в состоянии быть полезной⁶⁹.

⁶⁷ *Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review. 1994. № 88. p.385.*

⁶⁸ *Wendt A. Anarchy is What States Make of it. p. 396.*

⁶⁹ *Ibid. p. 399-400.*

Современные либералы в меньшей степени делают акцент на анархической природе международной системы как детерминанте международных отношений, однако видят в ней источник объективных ограничений. Анархия, имплицитно или эксплицитно, создает среду, в которой акторы осуществляют стратегическую защиту своих интересов, вытекают ли они из внутривнутриполитических условий (внутренний либерализм) или факторов государственного уровня (либеральный институционализм), который концентрирует свое внимание на процессах взаимозависимости международных акторов и институциональных ограничениях, накладываемых на поведение государств всевозможными международными организациями.

В отличие от неореалистов и либералов, Вендт указал, что то, в какой степени анархия ограничивает действия государств, зависит от того, как именно сами государства воспринимают анархию, свою идентичность и интересы, т.е. анархия даже необязательно является самостоятельной системой. Идеи (суверенитет, династические связи, торговля, гуманитарные цели и т.д.), которые оказывают влияние на политику, отнюдь не вытекают из анархической природы международных отношений. Вендт рассматривает анархию скорее в культурных, нежели в материальных формах: «Опора на собственные силы и силовая политика ни логически, ни каузально не вытекают из анархии, и... если сегодня мы живем в мире, где господствует опора на собственные силы, это связано с процессом, а не со структурой»⁷⁰. Она может видоизменяться именно в силу того, что является социальным конструктом, то есть анархия — это то, как писал Вендт, «что государства из нее делают» — она предстает то конфликтной, но миролюбивой. Соответственно, никакой предзаданной природы международной анархии не может быть в принципе, ее природу детерминируют сами государства в соответствии со своими идентичностями и интересами, которые также являются предметом изменений.

Схема 1. Взаимосвязь насилия и трех типов восприятия государствами друг друга

Статус отношений	враг	конкурент	друг
Склонность к насилию	высокий уровень		низкий уровень

⁷⁰ *Wendt A. Social Theory of International Politics. p. 394.*

Вендт вводит различие между как минимум тремя структурами в международной системе, в зависимости от правил, которыми руководствуются акторы. Опираясь на концепты «Английской школы», Вендт называет их гоббсианской (основная роль: враги), локковской (конкуренты) и кантовской структурой (друзья). Эти структуры и следующие из них нормы, предполагают разные структуры анархии. Какой тип структур окажется востребованным, зависит от двух факторов. Во-первых, от степени интернационализации этих норм со стороны разных акторов. Степень интернационализации, в свою очередь, зависит от того, следуют ли этим нормам акторы под принуждением (неореалистская перспектива), или они соответствуют их интересам (неолиберальный подход), либо поскольку они воспринимают эти нормы как легитимные (это и есть конструктивистское представление). Вторым ключевым фактором, по Вендту, является степень сотрудничества между акторами, развитием общих идей, что может привести со временем к формированию международного общества. В этой оптике только гоббсовская структура может привести к анархической системе самопомощи, поскольку государства рассматривают друг друга в качестве врагов. Две другие структуры создают предпосылки для взаимодействия в духе сотрудничества. Структура и тенденции в анархичной системе международных отношений, в конечном счете, оказываются в зависимости от доминирующих ролей (по Вендту, их три — «враг», «соперник», «друг» — в отличие от дуальности друзья/враги у Карла Шмитта)). Соответственно, они опираются на три важнейшие традиции в истории политической мысли — гоббсианскую (Гоббса), локкианскую (Локка) и кантианскую (Канта).

Таким образом, анархия носит структурный характер и определяется правилами и нормами, которыми руководствуются акторы. При этом, как подчеркивает Вендт, анархия означает разное для разных людей: для некоторых — она более анархична, чем для других; а принцип самопомощи более важен.

Еще одна дискуссионная точка — **концепт силы**. Если для неореалистов сила — *ultima ratio* мировой политики, то либералы практически всегда стремились к тому, чтобы показать, что влияние силы на политические процессы может быть снижено, если не вообще прекращено при условии правильного распределения интересов и стратегий (именно это и позволило назвать их «идеалистами»). В то же время они могли публично спорить о проблемах сотрудничества, институциональном строительстве, гонке вооружений или балансе сил, но в любом случае, национальный интерес в их взглядах всегда оставался материалистичным.

Конструктивизм в интерпретации Вендта не предполагает простого замещения «грубого материализма» на столь же «грубый идеализм»: он исходит из того, что материальные силы проявляются через социальные концепты, которые определяют смысл человеческой жизни. Он опирается на идеи Мишеля Фуко о связи силы и знания, а также Антонио Грамши — об идеологической гегемонии.

Стало быть, любое взаимодействие носит сконструированный характер, то есть, зная действие, исследователь может оценить его возможный результат. Следовательно, у экспертов международных отношений в рамках конструктивистской социальной парадигмы появляется возможность прогнозировать развитие мировой политики. По мнению Вендта, даже такое понятие как «политика с позиции силы» — одно из ключевых в реалистской парадигме, является социальным, а отнюдь не природным явлением, а, стало быть, может быть преобразовано посредством человеческой деятельности.

Это объясняется тем, что военная сила и ее распределение среди государств не могут автоматически сформировать заранее определенную социальную структуру. Даже в условиях анархии и отсутствия высшего авторитета, международная система совершенно необязательно должна строиться на принципах конфликта и силового противостояния, на чем настаивают реалисты. Вполне возможна индивидуальная или коллективная система безопасности. Система также не предопределяет полностью идентичность государств. Поэтому рассмотрение государств как «бильярдных шаров» (любимая метафора реалистов) не в состоянии объяснить реальность. Станут ли два государства «друзьями» или «врагами» детерминировано отнюдь не только военной структурой. Идентичность и социальная структура играют существенно более важную роль. Из конструктивистского утверждения, что фундаментальные структуры мировой политики носят скорее социальный, нежели материальный характер, вытекает также, что эти структуры формируют идентичности и интересы, а не только поведение акторов. Именно в этом конструктивизм противостоит рационализму.

В дискуссиях междунаrodnиков преобладает единственная форма силы: один актер контролирует другого, принуждая другого сделать нечто, что в противном случае он делать бы не стал. При этом, конструктивисты используют множество концепций силы, расширяют ее концептуальные рамки. Коль скоро сила формируется через социальные отношения, ее последствия могут быть специфически/прямыми или диффузно/косвенными. Эти различия генерируют таксономию и, как следствие, четыре концепции силы: принудитель-

ную, институциональную, структурную и производительную. Но не ограничиваются этим.

Кроме того, конструктивисты ввели понятие дискурсивной силы (знание, идеи, культура, язык и идеология), не менее важной для формирования мирового порядка, чем военная сила. Дискурсивная сила производит и воспроизводит интерсубъективные смыслы. Она предопределяет, каким образом материальная сила, структура, государственная идентичность, и даже отношения между государствами, равно как и другие социальные факты должны определяться и пониматься. Здесь открывается пространство для манипулирования, навязывания определенной интерпретации и затушевывания других возможных смыслов. Собственно, именно здесь всплывает момент определения «друзей», «соперников» и «врагов».

Анархичная международная система необязательно предполагает систему самообороны для каждого государства. Крупномасштабные расходы на военные цели в одном государстве могут быть интерпретированы другим государством как военная угроза. Третьи страны могут воспринять это даже как угрозу региональной, а не просто национальной безопасности. Государство, ощущающее угрозу, начинает вооружаться, однако они могут воспользоваться другой возможностью — принять концепцию коллективной безопасности в качестве контрбаланса угрозе. Одновременно этот подход поставил под сомнение один из самых известных неореалистских концептов — баланса сил. Нет необходимости уравнивать любое наращивание силы со стороны одного из государств. Стивен Уолт даже поставил вопрос о том, что пора заменить концепцию баланса сил концепцией баланса угроз⁷¹. Представляет ли государство угрозу или нет, зависит от типа его идентичности. При этом, международные институты и нормы играют поддерживающую роль. Это делает сотрудничество между государствами более вероятным.

Идентичность играет в конструктивизме исключительно важную роль. Но это также не его «открытие». Об этом уже довольно много писали неолибералы. Так, Джозеф Най рассмотрел процесс «комплексного обучения», Роберт Джервис — «изменяющиеся концепции Я и интереса», Роберт Кохейн призывал к «социологическим концепциям интереса», подчеркивая возможность трансформации идентичности и интересов. В их рассуждениях собственная идентификация — важнейшая конституирующая черта и часть природы государства, никакие международные институты не в состоя-

⁷¹ Walt S. *Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security*. 1985. Vol. 9. № 2. pp. 44-45.

нии изменить ее характер. Что они могут сделать, так это ограничить интересы, не позволяя им подрывать международное сотрудничество. С этой целью институты могут разработать систему поощрения и наказания. Они могут с помощью логики соответствия переориентировать государства с краткосрочных преимуществ на долгосрочные, но они не могут изменить степень эгоизма государств.

Сказанное, таким образом, отнюдь не предполагает, что международные нормы автоматически принимаются государствами. С этой точкой зрения конструктивисты в целом согласились. Но добавили кое-что еще. Они более тесно увязали проблему идентичности и внутренней политики государств. В процессе локализации происходит дискурсивное взаимодействие между внутренней политикой и международными институтами. Оно может проявиться в форме пре-локализации (сопротивление и проверка норм), локальной инициативы (предпринимательства и оформления), адаптации (прививке и упрощения), распространения и «универсализации». Это предполагает относительную автономию государства по отношению к международной социальной структуре. Государство, опираясь на свою материальную мощь и дискурсивную силу, может проецировать свою идентичность, преодолевая границы, вплоть до деятельного или даже доминирующего участия в конструировании международной социальной структуры. При этом влияние государственных деятелей может оказаться решающим: личность и социальная структура взаимно конструируют друг друга. Объект познает себя только по отношению к «другому», вступая с ним в коммуникацию, т.е., в определенные взаимоотношения⁷².

Динамичные отношения между материальной структурой, международной социальной структурой и внутренней политикой создают множественную идентичность в мировой политике, что, собственно, и отличает конструктивистский подход от неореализма и неолиберализма, для которых идентичность всегда единична и относительно статична. Однако Вендт не ограничивается этим: интересы и идентичности как зависимые переменные конструируются в процессе взаимодействий, что в долгосрочной перспективе делает их потенциально трансформируемыми.

Тем самым, идентичность делает как внешнюю, так и внутреннюю политику более предсказуемой. Поведение государств, их «ежедневная социальная практика», в свою очередь, позволяет идентифицировать их идентичность. Отсюда вытекают три функции идентичности: объ-

⁷² *Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. p. 402.*

ясняют, что представляют собой «другие»; сообщает «другим» о том, что представляете собой Вы сами; и, наконец, устанавливает жесткую зависимость между совокупностью интересов или предпочтений конкретных акторов с выбором действий в определенной ситуации или сфере. Кроме того, идентичность позволяет находить ответы на «эмпирические вопросы» в историческом контексте. Конструктивизм также фиксирует «пропущенные интересы», «упущенные возможности» и даже ошибки, вытекающие из социальной практики и структуры.

Таким образом, конструктивизм Вендта строится на основании двух основных положений: (1) структуры человеческих ассоциаций детерминируются скорее разделяемыми идеями, нежели материальными силами; (2) идентичность и интересы целеустремленных акторов конструируются этими разделяемыми идеями, а не даны природой⁷³.

Хотя сам по себе интерес конструктивистов к проблеме **национальных интересов** вполне закономерен (как обойтись без них при анализе внешней политики?), именно здесь им пришлось в наибольшей степени пойти на уступки сторонникам «классических» теорий международных отношений. Да, конечно, основной фокус конструктивизма направлен на социальное содержание интересов в международных отношениях, однако они соглашаются, что социально сконструированная природа интересов не меняет тот факт, что приоритетные интересы, которые движут государствами, предопределяются материальными ресурсами, — поэтому государства либо сконструированы материальными силами или могут рассматриваться как, как если бы их конструкция вообще не имела отношения к их интересам и поведению, т.е. государства «минимально сконструированы». Хотя большинство ученых признает, что государственные интересы в основе своей представляют *идеи в отношении необходимого*, многие конструктивисты утверждают, что содержание этих интересов направлено на практические цели, неизменные или включающие какую-то комбинацию необходимости выживания, обретения власти, богатства и гарантирование безопасности. Все остальное подвижно и подвержено множеству влияний.

Вендт отмечал также наличие тесной связи между интересами и идентичностью, одной стороны, и структурой, деятельностью и анархией, с другой. Эта связь не только расширяет варианты выбора, но и одновременно ограничивает их, поскольку социальные структуры постоянно видоизменяются вследствие деятельности государств.

Еще одна важная особенность конструктивизма заключается в его трактовке проблем **войны и мира**. Неудивительно поэтому, что кон-

⁷³ *Wendt A. Social Theory of International Politics. p.1.*

структивисты считают, что определение условий, в каких случаях государства могут не просто легально, а легитимно применять силу — центральная нормативная проблема мировой политики. Во внутренней политике ограничение возможности государства применять силу через социальные и легальные нормы — важнейшая гарантия прав человека. В международной среде подобные ограничения становятся критически важными для поддержания международного мира и стабильности. Именно поэтому эта проблематика рассматривается как центральная в отношениях между порядком и справедливостью.

Иными словами, ранее существовавшие структуры делают возможными или, наоборот, нежелательными определенные действия, создавая акторов, обладающих определенными идентичностями и интересами, а также материальный потенциал, несущий соответствующий смысл. Если страны расколоты, то велика вероятность дальнейшего развития в направлении гоббсовской «войны всех против всех»; если же они в силу сложившихся традиций доверяют друг другу, то возможность создания системы коллективной безопасности многократно возрастает. Но это всего лишь вероятность, не более того. Это означает, что результат все же не является изначально определенным.

«Через войны и другие катаклизмы, — пишет, например, Христиан Ройс-Смит. — Постепенно все же удалось сформировать некоторые принципы легитимного применения силы на международной сцене — равенство суверенных государств, из чего следует «корзина» международных прав (например, «одно государство — один голос» при голосовании в международных организациях, самоопределение и его обратная сторона — невмешательство в дела друг друга). Соответственно, и применение силы в международных отношениях обуславливается лишь двумя обстоятельствами: 1) государства действуют в порядке самообороны; 2) они действуют коллективно ради сохранения мира и безопасности. То есть, в ситуациях, выходящих за рамки самообороны, решение о применении силы должны приниматься коллективно, в частности, Советом безопасности ООН. Вместе взятые, эти принципы создали «эгалитарный режим», который действовал в период от подписания Устава ООН и вплоть до распада колониальных держав в 1970-е гг. Однако он характеризовался отсутствием реального равенства — легальное равенство не соответствовало материальным факторам; особыми правами обладали великие державы; право на самоопределение и невмешательство постоянно нарушалось как великими державами, так и крупными корпорациями, Совет безопасности нередко выглядел

как международный форум. а концепция международного мира и безопасности обладала гибкостью протеина (Reus-Smit,2005). Отсюда следует типично конструктивистский вывод о том, что проблема легитимного применения силы — центральная нормативная проблема мировой политики, поскольку является сущностно необходимой для поддержания гражданского общества и защиты основных прав человека, не говоря уже о поддержания мира и стабильности на международной сцене через отношения между порядком и справедливостью.

Таким образом, в социально сконструированном мире, наличие паттернов, и базовых концептов зависят от пересечения смыслов и практик. Иногда они носят стабильный характер, однако отнюдь не зафиксированный, раз и навсегда. Поскольку идеи и практики различаются во времени или пространстве, образцы, или паттерны, которые однажды выглядели как твердые и предсказуемые, «вдруг» меняются и обретают новый смысл. Это легко проследить на примерах основных политологических концептов, например, государства, суверенитета, силы, гражданского общества, партий или прав человека. Эволюция смысла каждого из этих концептов с момента его появления совершенно очевидна. При этом, «особенность этого метатеоретического подхода (конструктивизма — *AT*) заключается в том, что он рассматривает процесс формирования международного дискурса как результат сознательного формулирования, а не только.

Глава 6. Критический конструктивизм

Критический конструктивизм самым тесным образом связан с критической социальной теорией. И то, и другое течение признают базовые положения и концепты теории международных отношений. Они «денатурализируют» социальный мир, т.е. отказываются от неизменности природы» человека. Они стремятся установить эмпирические отношения между институтами и идентичностью акторов. Оба течения признают интерсубъективность и рефлексивность между «Я» и обществом, и, как следствие, взаимное конституирование акторов и структуры.

В то же время, будучи одним из направлений в критической теории, конструктивизм существенно от нее отличается, прежде всего,

тем, что одновременно интересуется метатеорией, содержательным эмпирическим анализом, включает контррационалистические выводы, а также отдельные аспекты взглядов на мировую политику, вполне совместимые с некоторыми представлениями неореалистов и неолибералов. Более того, конструктивисты утилизируют эти методы и идеи, находя для них эмпирическое применение.

Тед Хопф составил таблицу, позволяющую яснее увидеть различия между конвенциональным и критическим конструктивизмом. Воспользуемся этой таблицей, но с некоторыми уточнениями⁷⁵.

Таблица 1. Основные различия критического и конвенционального конструктивизма (-ов).

Конструктивизм	Конвенциональный	Критический
Основания	«минимальный фундаментализм»	отрицание возможности и желательности минимального или условного фундаментализма
	не принимает позитивистскую логику	рассматривает ее как некритическую, что ведет к закрытому анализу, т.е. не удовлетворяет исследователя, создавая «иллюзию контроля».
	может идентифицировать причину (или совокупность условий) для каждого следствия (или его отсутствия)	необходимость определения «мифа, связанного с формированием идентичности»
	совпадение «эпистемологии и методологии»	отсутствие дихотомии между актором и наблюдателем: наблюдатель – это часть конструирования идентичности (но это не означает, что критический подход неверен; это означает, что такая методология предпочитает неприятие минимального фундаментализма как причинно-следственной связи)
Происхождение идентичности	либо продукт познания, либо вообще никак не оценивается (принимается как данность)	продукт отчуждения, угнетения или какой-то иной социальной теории
Связь с силой	«каналитически нейтральный» относительно отношений силы	социальный обмен и господствующая позиция
	нацелен на создание «нового знания и понимания»	социальные отношения как «иерархия, субординация или господство» – во многом как у реалистов и неореалистов изучает «социальные ограничения и культурное понимание с позиции высшего человеческого интереса в просвещении и эмансипации»

⁷⁵ Hopf T. *The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. 1998. Vol.23. № 1. pp. 171-201.*

Таким образом, как мы видим из таблицы, критический конструктивизм несколько уже конвенционального, он продолжает руководствоваться основными постулатами критической теории, хотя и делает от них ощутимый шаг в сторону. Конвенциональный конструктивизм затрагивает более широкие, зачастую глобальные вопросы: его фокус направлен на поиск «интерсубъективных сообществ в мировой политике» и видит свою цель в восстановлении хотя бы частичного порядка и предсказуемости мировой политики, вытекающей не из предполагаемой гомогенности, а из признания различий.

Значение, которое конструктивисты придают социальному контексту, дистанцирует их от универсализма. Конструктивизм настаивает на множественности истин, их альтернативности, культурно-исторической привязке, контекстуальности и принципиальной неуниверсальности. А отсюда — стремление к пригодному, полезному, прагматичному образу действий, а не к поиску абсолютного соответствия действительности.

В то же время они отнюдь не претендуют на ценностную нейтральность. Социальные ситуации, неизбежно оказывают влияние на интерпретацию — ученые не могут находиться в вакууме, стерильном от ценностей. Но это означает, что и другие теории международных отношений, будь-то бихевиорализм или теория рационального выбора, также являются социально сконструированными, полагают конструктивисты. Поэтому, конструктивизм сравнительно легко сочетается с разными дисциплинами — с социологией, сравнительной политологией, социальной психологией и др., что, безусловно, обеспечивает его динамичность, открывая широкое пространство для развития.

Одновременно конструктивизм способен к саморефлексии, он сам критикует себя и открыт для внешней критики. Всякий конструктивистский тезис всегда оставляет место для его оспаривания или альтернативной интерпретации. Благодаря этому, он не стоит на месте, предлагая сложную теорию для нашего крайне сложного и изменчивого мира.

Глава 7. Конструктивизм: в бесконечность и далее?

Благодаря успеху социального конструктивизма в исследования международных отношений прочно вошли понятия «идентичность», «восприятие», «дискурс». Эти термины позволяют описывать важные

перемены в международно-политической реальности — перераспределение влияния, мобильность самих акторов, значимость тех или иных идей. Разногласия возникают по поводу того, как использовать эти понятия. Ясно, что эти термины позволяют уйти от узко психологического толкования мотивов и решений акторов, поскольку видение реальности акторами и их действия отчасти социально обусловлены: есть некоторые рамки (мысленные приемы), с помощью которых акторы определяют себя. Эти рамки, не говоря уже о языке, на котором они сформулированы, являются безусловным продуктом функционирования некоторого коллектива в целом. Более того, «биографии» акторов, их опыт и репутация, приобретаются в результате взаимодействий с другими акторами, что и создает начала коллективного.

Расширение фокуса исследований МО вызвано, конечно, не изобретением новых терминов и не переосмыслением старых. Двигателем теоретического прогресса стали достижения других наук, новые технологические открытия, которые либо изменили реальность, либо позволили взглянуть на нее с более открытыми глазами. Для изучения международных отношений и мировой политики это выразилось в весьма любопытных последствиях. Во-первых, возросло внимание к вопросам сложности. Например, если ранее понятия «культура», «идентичность» виделись скорее как некая сумма поведения различных акторов (с возможной поправкой на их частичную нерациональность), вводилось понятие «паттерна» (наиболее часто встречающегося образа действия), то современные исследователи больше озабочены тем, как акторы используют сложившиеся культурно-исторические нормы и традиции, как меняют их в своих интересах. Во-вторых, вопросы изучения идентичности наконец-то вошли в перечень центральных (а не периферийных) проблем ТМО. К сожалению, любая научная дисциплина организована таким образом, что есть условно важные и условно второстепенные темы исследований: для специалистов по первым открываются большие возможности с точки зрения публикации в уважаемых журналах, получения грантов, обсуждения и критики коллегами, устройства на работу, вступления в профессиональные объединения. В этом состоит политический аспект науки: одни научные дисциплины способны вытеснять другие, в основном, путем маргинализации конкретных представителей друг друга⁷⁶. Инерцию, которую задает сама социальная структура научной деятельности, сложно преодолеть, а каждый подобный перелом (переход к новым темам) означает если не сам научный прогресс, то его возможность.

⁷⁶ Жэнгра И. Социология науки. Пер с фр. С.А. Гашкова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 44-47.

Наконец, в-третьих, понятие идентичность (и ряд связанных с ним терминов) позволяет задуматься над причинами тех или иных фактов, установить причинно-следственные связи (одновременно признавая, что таковых могло и не быть). Пафос критической теории, постколониальных и феминистских исследований во многом состоял в обличении неправильных представлений доминирующей группы о мире (будь то глобальный Запад, мужчины или всемогущие ТНК). Рассматривая различные взаимодействия на определенных уровнях анализа, исследователи с помощью понятия идентичность способны концептуализировать причины этих неправильных представлений доминирующей группы. Поле «отвергнуть-воспринять» дает огромный перечень возможных стратегий поведения: очевидно, что ошибки в коммуникации с двух сторон привели к выбору опции «отвергнуть»⁷⁷. Единственное возможное возражение носит нормативный характер: такой вывод может иногда оказаться неполиткорректным (например, жертвы колониализма частично виноваты в том, что колониализм протекал именно в таких формах и так длительно).

Привитое конструктивизмом внимание к трансформациям в наши дни можно обратить и против самого конструктивизма. Р. Брубейкер, один из самых последовательных критиков понятия «идентичность»⁷⁸, отмечал: «... мишенью служит самоуспокоенный конструктивизм. Социальная конструкция была плодотворной метафорой в последние десятилетия, она вдохновила на создание многочисленных работ, обогативших и преобразовавших наше понимание этничности (и многих других феноменов). Однако именно благодаря своему успеху конструктивистская идиома сделалась «скучной, тривиальной, плоской и невыигрышной». Некогда мятежный прорыв, бодрящий вызов устоявшимся способам понимания, конструктивизм стал воплощением академической респектабельности, даже ортодоксии. И дело не в ошибочности идеи социальной конструкции, а скорее в том, что сегодня она кажется слишком уж правильной, слишком знакомой, слишком непреложной, а потому и не может породить трения, стать источником силы и новизны, без которых невозможно развивать аргументы и приходиться к новым озарениям»⁷⁹.

⁷⁷ Kratochwil F. *Is the ship of culture at the sea or returning? // Culture and Identity in IR theory.* Ed. by Y. Lapid, F. Kratochwil. Boulder-London: Lynne Rienner Publishers, 1996. pp. 206-210

⁷⁸ *Сторонники разграничения научных дисциплин могут заметить, что конструктивизм в социологии (представителем которого является Р. Брубейкер) и конструктивизм в теории МО различаются. В данном случае это различие не критично: если социологический конструктивизм основан на работах П. Бергера и Н. Лумана, то конструктивизм в ТМО воспринял идеи, выраженные Бергером и Луманом, через работы Э. Гидденса.*

⁷⁹ Брубейкер Р. *Этничность без групп.* Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд.дом ВШЭ, 2012. С. 17.

«Бронзовение» конструктивизма, его превращение в часть интеллектуального мейнстрима — это, несомненно, проблема. Первый аспект проблемы распространенности конструктивизма: интеллектуальные шоры способны сузить наше понимание вышеперечисленных базовых терминов («идентичность», «восприятие», «дискурс»). Некоторые грани социальных и политических явлений, раскрытые периферийными научными подходами или же еще никем не раскрытые, рискуют так и остаться неизвестными для широкого круга исследователей: в условиях постоянных международных кризисов и конфликтов это может оказаться слишком высокой ценой «самоуспокоенности» ученых.

Превращение конструктивизма в интеллектуальный мейнстрим — это многогранная проблема. Один из важнейших ее аспектов заключается в том, что массовое обращение к конструктивизму привело к примитивизации некоторых ключевых понятий. Социальное конструирование со всеми возможными гранями его проявлений нередко сводится к разграничению и определению существующих проблем (англ. *issue-framing*): очевидно, что роль нематериальных факторов в формировании интересов и видения мира актерами заметно больше, чем просто осмысление чего бы то ни было в качестве проблемы или отдельного проявления социальной реальности. Также деформированным оказалось понятие нормы (правила). Вместо обращения к зоне пересечения нормативных представлений и вытекающих из практики интересов (как соотносится то, что правильно, и то, что выгодно), в изучении МО стало модным их противопоставлять⁸⁰. Безусловно, идея о том, что политика (в том числе, мировая) — это предельно циничная сфера деятельности, не нова. Но одним из изначальных посылов конструктивизма было сближение реализма (в котором, как известно, «человек человеку волк») и идеализма (где есть место миру совершенных правил — возможно, англо-саксонского происхождения). Получается, что в вопросах норм конструктивисты теряют связь с исходными онтологическими и гносеологическими установками.

По сравнению с понятиями нормы и конструирования проблемы с понятием идентичности не столь велики, но все же значительны. Термин «идентичность» ворвался в социальные науки несколько раньше и сам является живым свидетельством конструирования научного языка. По выражению У. Маккензи, от излишнего использования это понятие «обезумело». Изначально, слово «идентичность» возникло из латинских переводов логических трактатов Аристотеля, в которых использовалось

⁸⁰ Кравцов В., Казанцев А. Современный конструктивизм. Два суждения об одной методологии. URL: <http://gefter.ru/archive/20402> (дата обращения: 1.08.2017).

греческое слово, означавшее и тождественность, и самость (≈ осознание себя). Латинский корень не подразумевал второго значения, которое стало актуальным в средневековье, когда мыслители пытались описать «Я» Бога и рассматривали проблему «знающего и знания». Только в XIX столетии писатели романтического направления и философы-идеалисты стали говорить о коллективной самости с использованием разных производных идентичности. Наконец, к началу XX века появилось последнее значение, связанное с бюрократической необходимостью удостоверять личность, когда идентичность понималась как тождественность предъявителя и предъявляемых им документов⁸¹. Именно на основе этой смысловой неразберихи в 50-60-е гг. XX века возникло понятие политической идентичности, отождествлявшей то, как некая группа лиц определяет себя по отношению к политическим проблемам, и то, что эта группа лиц является именно группой (социальной общностью).

Чем опасна идентичность для конструктивизма? Главная опасность — это понятие требует бесконечных дополнительных объяснений⁸². Если поведение акторов обусловлено идентичностью, то, как формируется идентичность? Если идентичность формируется в результате взаимодействия акторов и есть нематериальный, а интерсубъективный феномен, то, что поддерживает существование идентичности? Если взаимодействия акторов поддерживают (меняют или сохраняют) существование идентичности, то меняются ли идентичности только после взаимодействия (как, например, в теории игр после каждого шага игры) или же могут меняться и во время взаимодействия? Здравый смысл диктует признать возможным изменение идентичности во время взаимодействия, но тогда что же ее меняет, если не само взаимодействие? Ответ на этот вопрос требует ввести несколько типов (уровней) идентичности, изменение одного из которых ведет (возможно, не сразу) к изменению остальных. Разумеется, вопрос о количестве уровней носит спекулятивный характер. И все же возникает естественное желание отметить, что количество уровней и их функциональное назначение (например, ролевая и статусная идентичности, макро- и микрополитическая идентичность) — зависят только от произвола исследователя, от удобства их

⁸¹ Mackenzie W.J.M. *Political Identity*. Manchester: Manchester University Press, 1978. pp. 11, 19-27.

⁸² Примечательно, что с точки зрения конструктивистов, идентичность не может быть сущностно оспариваемым понятием в чистом виде. В социальном конструктивизме возможны скептицизм («у всех своя правда») и эклектизм («в каждом значении отражается правда»), в то время как, согласно У. Гэлли, в дискуссии о сущностно оспариваемых понятиях скептицизм и эклектизм, наряду с догматизмом («моя позиция — правильная»), на практике неприменимы.

использования в целях изучения хитросплетений международных отношений, потому что аналитические рамки в науке — это тоже конструкт⁸³.

Остановившись в одном шаге от признания, что международно-политическая реальность существует исключительно в головах ученых (и, может быть, еще политиков), отметим следующее: конструктивизм в значительной степени неспособен работать с множественностью и амбивалентностью идентичности. А примеров предостаточно. В частности, в 1990-е гг. Германия продолжала придерживаться политики уклонения от участия многих военных акциях НАТО, исходя из того, что ФРГ — это исторический преемник Третьего рейха и надо на деле доказывать, что Германия не вернется к агрессивной политике. Одновременно, Берлин согласился участие в миротворческой операции на территории бывшей Югославии, обосновывая это необходимостью добрых дел и подчеркивая, что ФРГ — это уже не Третий рейх. В общем, два взаимоисключающих обоснования составляли суть политического поведения. То есть у Германии была «неидентифицируемая» идентичность⁸⁴.

Р. Брубейкер выделяет следующие трактовки идентичности, распространенные в социальных и политических исследованиях:

— способ социальной локализации анализируемых явлений, приписывание им некой партикуляристских (неуниверсальных) атрибутов: проще говоря, выделение особенностей представления о себе и внешних явлениях, утверждение об их несводимости к общим социальным закономерностям;

— тождественность взглядов, расположенность к определенному роду оценок действительности у членов некоторого коллектива;

— некое базовое (близкое к психологическому), а не второстепенное основание социального и политического действия;

— рефлексивная социальная и политическая сущность, возникающая как продукт действий, постоянно переживаемый и переосмысляемый опыт — нередко фрагментарный, прерывистый и гибкий.

Эти трактовки можно свести у условно «сильному» и «слабому» пониманию идентичности, которые различаются, главным образом, по отношению к стабильности идентичности: в «слабом» понимании, идентичность — множественная, нестабильная, текучая, податливая, процессуальная, в «сильном» — наоборот⁸⁵. Вслед за научным мейнстри-

⁸³ Temby O. *What Are Levels of Analysis and What Do They Contribute to International Relations Theory?* // *Cambridge Review of International Affairs*. 2013. Vol. 26, no. 4. pp. 721-742.

⁸⁴ Zehfuss M. *Constructivism and identity: a dangerous liaison* // *Constructivism and International Relations. Alexander Wendt and his critics*. Ed. by S. Guzzini, A. Leander. London-New York: Routledge, 2006. pp. 110-113.

⁸⁵ Брубейкер Р. *Этничность без групп*. С. 74-83.

мом, конструктивисты (даже, с некоторыми оговорками, А. Вендт) тяготеют именно к «слабому» пониманию, чтобы как-то учесть накопившийся объем критики (в том числе, вышеприведенный пример по поводу Германии). Но в таком случае против конструктивистов восстает семантическая структура научного дискурса: тождественность — исходный смысл понятия «идентичность» — едва ли может быть множественной, нестабильной, а лишение понятия всякой привязки к исходному значению делает возможной изобретение любого другого слова с таким же содержательным наполнением. В конечном счете, это более сложная форма примитивизации понятия, но не менее опасная⁸⁶.

Вторая проблема конструктивизма — методологическая. Обычно конструктивисты не ввязываются в эмпирические исследования, остаются на уровне теоретического и метатеоретического анализа. Один из ведущих конструктивистов А. Вендт известен, в основном, как исследователь, который предпочитает дедуктивную логику (от общего к частному) и, тем самым, разворачивает конструктивистский проект в сторону разрешения фундаментальных вопросов социальной онтологии. Большинство конструктивистов склонно подчеркивать, что конструктивизм хорош для научных открытий и свежего взгляда на хорошо известные вещи, в то время как прикладной анализ и четкие схемы рассмотрения конкретных проблем — это удел других подходов (неолиберализма, неореализма). П. Катценштайн прямо превозносит методологический эклектизм, полагая, что конструктивистам не стоит и пробовать создать свои аналитические приемы. Катценштайн противопоставляет эклектизму заведомо неприемлемый редукционизм, который неизбежен в любой из парадигм ТМО: получается, что смешение методологических подходов (исходящих, к тому же, из разных теорий) — это чуть ли не единственная прагматичная стратегия для исследователей⁸⁷.

Дж. Рагги полагает, что причина некоторой методологической беспомощности конструктивизма заключается не только в том, что издержки от аналитического упрощения сложной социальной онтологии конструктивистов слишком велики. Рагги обвиняет коллег в невнимании к классическим научным работам (в частности, М. Вебера): конструктивисты, по его мнению, забывают различия между социальными и естественными науками, пытаются остаться в классической научной картине мира (хотя и бросают ей вызов). Помимо обращения к класси-

⁸⁶ По сути, идентичность становится бодрийяровским симулякром третьего порядка: это уже не подделка и не копия чего бы ни было, это сущность без референта в реальности.

⁸⁷ Sil R., Katzenstein P.J. *Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8, № 2. pp. 412-416.

кам, один из выходов из нынешнего состояния заключается в том, чтобы вернуть анализ на микроуровень, уравнивать в правах индукцию с дедукцией. Также Дж. Рагги предлагает конструктивистам задуматься, а стоит ли вообще провозглашать (фреймировать) себя в качестве отдельной школы мысли или же стоит присоединиться к неолиберализму/неореализму, добавить в их аналитические рамки «побольше социального»⁸⁸. С категоричностью Рагги можно не соглашаться, но поднимаемые им вопросы остаются.

Предложение Дж. Рагги не должно шокировать читателя. Вступление конструктивизма в ряды обязательных для ознакомления парадигм ТМО во многом произошло благодаря расслоению среди конструктивистов. Часть конструктивистов стала элементом теоретического мейнстрима, сблизилась с неолиберальными и неореалистскими оппонентами — по крайней мере, в вопросах того, как надо и как не надо вести исследования. Об этом ясно говорит, например, следующее признание А. Вендта (почти двадцатилетней давности): «С эпистемологической точки зрения, я — на стороне позитивистов. [...] Однако, поскольку с точки зрения онтологии, которая, по моему мнению, важнее, я буду [...] на стороне пост-позитивистов. Как и они, я убежден, что социальная жизнь — это «идеи повсюду» (или почти повсюду), а эти глубинные ненаблюдаемые структуры формируют агентов и правила взаимодействий»⁸⁹.

Еще один аспект методологической слабости конструктивизма заключается в частом «переливании старого вина в новые бутылки», то есть в тривиальности получаемых результатов и повторении уже открытого (или уже заявленного). Наука, по крайней мере, на уровне заявляемых целей, стремится к появлению нового и добавленного знания, будь то новый способ решить некоторую проблему, или выявление какой-либо проблемы. Один из немногих случаев обращения конструктивистов к конкретной проблематике — это анализ формирующихся систем региональной безопасности в Юго-Восточной Азии. Однако обращение к вопросам региональной безопасности закончилось провалом: превознося роль региональной организации АСЕАН, конструктивисты подчеркивали ведущую роль государств в конструировании идентичности региона, а через эти усилия определяли и идентичность стран-участников АСЕАН. Получалось, что «государства — это то, что из них делают государства»⁹⁰. Помимо очевидной тавтологии, в изучении Юго-Восточной Азии конструктивисты оказались неспособными показать взаимное кон-

⁸⁸ Ruggie J.G. *What Makes the World Hang Together? Neoliberalism and the Social Constructivist Challenge // International Organization*. 1998. Vol. 52, № 04. pp. 881-885.

⁸⁹ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. p. 90.

⁹⁰ Отсылка к формуле А. Вендта «анархия — это, что из нее делают государства» (или «что о ней думают государства»).

струирование агента (государств) и структуры (неких паттернов региональных отношений по поводу безопасности), а также переоценили целостность крайне слабо интегрированного региона (то есть, по сути, выступили с эссенциалистскими тезисами, приписывали региону некие заданные параметры). В результате, некоторые авторы призывали спасти конструктивизм от конструктивистов, изучающих Юго-Восточную Азию⁹¹.

Проектом по выходу конструктивизма из методологического тупика может стать так называемая «интерпретативная квантификация», предложенная С. Баркиным и Л. Сьоберг. Эти авторы оттолкнулись от мысли А. Эйнштейна, что математика существенно способствовала научному прогрессу, поскольку обеспечивала связность и непротиворечивость в исследованиях окружающего (внешнего) мира, при этом, не требуя содержательных (внутренних) подтверждений. То есть, помимо чисто (нео)позитивистского употребления (классификация и систематизация данных), математика может служить для креативного подхода к исследованиям, для открытий и озарений. Такой подход, со ссылками на А. Эйнштейна, может позволить разорвать связь между поисками методологической ясности, количественными методами анализа и допущением, что содержательные аспекты всегда квантифицируемы (могут быть представлены в виде чисел).

Для обоснования своего подхода С. Баркин и Л. Сьоберг прибегают к весьма стандартному аргументу: проводят различие между инструментами исследования (методами) и стратегиями исследования (подходами). Но вместо того, чтобы строго их разделять, предлагают исследователю решать, когда их можно комбинировать, а когда — рассматривать по отдельности. Это позволит найти то, что можно открыть или узнать дополнительно, вне рамок, задаваемых методом как некой последовательностью действий (метод всегда ведет к редукции, к утрате части информации). По сути, С. Баркин и Л. Сьоберг продолжают традицию конструктивистского эклектизма, призывая применять одни и те же методы с разными теоретическими основаниями, разные методы — в одних и тех же теоретических рамках, а также искать различные «смешанные» комбинации⁹². Если доводить их логику до конца, то, по сути, интерпретативная квантификация ставит вопрос о пределах гибкости и возможной прерывистости метода. Все же, нет гарантии, что, в итоге,

⁹¹ *Tan S.S. Rescuing constructivism from the constructivists: a critical reading of constructivist interventions in Southeast Asian security // The Pacific Review. 2006. Vol. 19, № 2. pp. 239–260.*

⁹² *Interpretive Quantification. Methodological Explorations for Critical and Constructivist IR. Ed. by J.S. Barkin, L. Sjoberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. pp. 243–253.*

именно этот методологический проект выведет конструктивизм хотя бы на уровень других научных школ теории международных отношений, тем более, что проект еще находится на стадии «сборки».

Наконец, третья проблема конструктивизма — идеологическая. Не секрет, что ТМО как научная дисциплина сформировалась, в основном, на Западе. Перечень доминирующих в научном дискурсе теорий определяется неслучайно, он находится в сильной зависимости от политической организации мира. На сегодняшний день, мир организован так, что страны Запада преобладают в нем в военном, экономическом, политико-культурном смысле. Соответственно, в научный мейнстрим входят, в основном, работы ученых из западных стран, которые в разной степени отражают ценности и приоритеты западных обществ⁹³. Распространена точка зрения, что, пока не поменяется политическая организация мира, положение дел в ТМО с некоторыми временными отклонениями будет сохраняться⁹⁴.

Недавняя дискуссия по поводу незападных теорий международных отношений показала, что эти теории представляют собой, либо добавление в западные модели локальной специфики (отдельных терминов, акцента на особенности местных обществ), либо отрицание западных теорий. То есть точкой отчета все равно остаются идеи, пришедшие с Запада. Но преобладание западных ученых в ТМО не означает, что никакой дискуссии вообще не ведется и теории «оправдывают» гегемонию США. Напротив, ученые на Западе не составляют некоего единого лагеря, много спорят друг с другом по фундаментальным вопросам (что есть теория? как организовать процесс исследования?) и вовлекают в этот процесс остальную мир (в том числе, приглашая выходцев из незападных стран на работу в исследовательские центры и университеты). Более того, вопрос об интеллектуальной опасности доминирования западного взгляда на международные отношения был поставлен именно на Западе, что позволяет несколько смягчить критику интеллектуального доминирования в теории международных отношений⁹⁵.

Конструктивизм в меньшей степени подвержен идеологическому влиянию своих западных основателей, поскольку обращен к феноменам, связанным с международно-политической анархией (отсутствием еди-

⁹³ Данное издание — не исключение: большинство ссылок приходится на западных авторов.

⁹⁴ Лебедева М.М. *Незападные теории международных отношений: миф или реальность?* // Вестник РУДН. Серия: Международные Отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 248-253.

⁹⁵ Алексеева Т.А. «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. №17(2). С. 219-228.

ного суверена), и частично наследует требованиям французского структурализма в отношении деконструкции ненаблюдаемых механизмов доминирования. В то же время, теоретики, которые преимущественно изучали нормы и их формирование в международных отношениях, по сути, продолжили рассматривать мир с европоцентристских позиций: всегда есть нормотворцы и нормополучатели. Признавая идентичность и интересы государств интерсубъективными феноменами, конструктивисты в сфере исследований норм продолжили задаваться абсолютно «западными» вопросами (почему не везде распространяется демократия? как сформировать глобальный коллективный ответ на серьезные вызовы и угрозы⁹⁶). Более того, постепенно конструктивисты стали воспринимать элиты незападных государств как барьер для распространения норм, то есть, по сути, заняли определенную нормативную позицию: демократию надо распространять. Наиболее полно этот взгляд выразили М. Кек и К. Сиккинк в книге «Активисты вне границ», в которой обосновывался тезис, что сопротивление элит будет постепенно сломлено внутренними акторами, прообразом местного гражданского общества, которое приобретет всемирный масштаб благодаря продолжающейся глобализации. Данные авторы оптимистически отмечали: «транснациональные сетевые группы интересов распространяются повсюду, их цель — изменить поведение государств и международных организаций. Эти акторы принципиальны и имеют стратегию, они формулируют проблемы так, чтобы целевая аудитория их поняла, чтобы привлечь внимание, подтолкнуть кого-либо к действиям и чтобы дело попало на «правильную» институциональную площадку. Сетевые акторы привносят новые идеи, нормы и дискурсы в политические дебаты, служат источником информации»⁹⁷.

Уже в 2000-е гг. конструктивисты в сфере изучения норм стали рассматривать идентичность незападных государств как воспроизведение идейного выбора, то есть снизили в своих исследованиях значимость факторов международной коммуникации государств. Историческое развитие обществ задает координаты, которые различаются в разных регионах мира: то, что разумно в одной системе координат, может казаться безумием в другой. В этом крылось неприятное открытие для нелиберального западного мира, заключавшееся в том, что есть люди, которые вполне рационально отказываются от благ западной цивилизации. Поэтому конструктивисты стали искать недостающий элемент, что-то, что может уси-

⁹⁶ Например, глобальное потепление, терроризм или торговля людьми. Но всегда важно, кто конкретно определяет угрозу или вызов.

⁹⁷ *Interpretive Quantification. Methodological Explorations for Critical and Constructivist IR.* Ed. by J.S. Barkin, L. Sjöberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. pp. 243-253.

лить распространение западных представлений о нормах. Появилось понятие институционализации норм, которое подразумевало, что какие-либо структуры внутри государств должны быть основой принятия западных норм на международной арене. Методов для институционализации норм было предложено два: «институциональные» или «меняющие поведение» интервенции, а также частичное изменение самого сигнала в рамках распространения западных норм⁹⁸. В частности, Р. Пэрис в книге «В конце войны» таким образом рассуждал об урегулировании конфликтов: «международные миротворцы не имеют выбора, кроме как действовать «нелиберально» на ранних стадиях постконфликтного урегулирования... стратегия «институционализация до либерализации» с большей вероятностью ведет к продолжительному миру и стабильной демократии, чем стратегия, которая продвигает политическую и экономическую конкуренцию сразу после гражданского конфликта»⁹⁹.

Хотя сложно обвинить в идеологических пристрастиях всех конструктивистов, вышеприведенные примеры анализа норм показывают, что конструктивистские рассуждения вполне могут содержать небеспристрастный научный анализ международно-политической действительности. Это вызвано не только тем, что конструктивизм разработан западными авторами и имеет некий «грех происхождения». Это также и цена вхождения в научный мейнстрим, результат размывания понятийного аппарата. Равным образом вышеприведенные рассуждения обусловлены и методологическими проблемами конструктивизма. Таким образом, на три главные проблемы (научно-дискурсивная, методологическая, идеологическая), с которыми столкнулся конструктивизм (а также, разной степени, и остальные течения мысли в ТМО), — нужно как-то реагировать, чтобы сохранить производство нового и добавленного знания о международных отношениях и мировой политике.

На сегодняшний день можно выделить несколько дальнейших развития конструктивизма в теории международных отношений:

- добавление в теоретические основания исследований идей из периферийных и полупериферийных научных направлений (например, обращение к грамшианскому пониманию контекста или к перформативным аспектам поведения по И. Гофману);
- тривиализация и постепенное слияние с условно «старыми» научными школами (реализм, либерализм) — по заветам Дж. Рагги;
- использования исходного преимущества конструктивизма, его об-

⁹⁸ Chandler D. *Promoting democratic norms? Social constructivism and the 'subjective' limits to liberalism // Democratization*. 2013. № 20 (2). pp. pp. 216-217, 221-224.

⁹⁹ Paris R. *At War's End. Building Peace After Civil Conflict*. New York: Cambridge University Press, 2004. p. 209.

ращенности к вопросам социальной онтологии, для поиска новых аналитических рамок, новых понятийных сеток.

Хотя в настоящее время скорее наблюдается второй путь развития, известный конструктивист А. Вендт предложил проект онтологической реабилитации конструктивизма, замахнувшись на объяснение вопросов не только социального бытия, но физического. Что примечательно, отправной точкой в его рассуждениях оказалось явление сознания, о котором мы знаем, в общем-то, немного. Естественные науки от изучения сознания уклоняются, поскольку это явление слишком нематериальное, требующее слишком кардинально пересмотреть взгляд на мир. Есть серьезные попытки заменить сознание на «деятельность мозга», некие психофизические и психохимические процессы. Очевидно, что в результате этих процессов появляется новое качество — например, осознание себя (вряд ли себя осознают эндорфины в мозгу любого человека) или соотнесение «себя» с объектами в физической реальности (определение дистанции, распознавание разных типов объектов). Вот эту часть рассуждений естественные науки, оставшиеся в классической или неклассической картине мира, пока не способны адекватно описать (тем более, объяснить). Напротив, социальные науки вообще не интересуются сознанием — в лучшем случае, только намерениями социальных акторов (которые могут быть как сознательными, так и бессознательными). Но намерения акторов, как мы интуитивно понимаем, как-то связаны с сознанием, хотя дальше этого понимания социальные науки не двигаются¹⁰⁰. В итоге, А. Вендт приходит к выводу, что избегать сознания — это ненаучное поведение для исследователей, а, если в нынешних эпистемологических условиях не получается найти вразумительные ответы о сущности сознания, то надо эти условия изменить. Ученый предлагает следующую гипотезу: явление сознания можно объяснить с помощью квантовой физики, что позволит пересмотреть все социальные отношения с нового угла зрения. Например, индивиды в обществе, с точки зрения своих когнитивных процессов, — это свободно разгуливающие волновые функции (англ. *human beings are walking wave functions*), которые, как известно, описываются рядом правил и закономерностей квантовой механики. В целом, вся социальная реальность, действует в пределах законов квантовой физики¹⁰¹. Такой подход требует разобраться в том, что мы знаем о сознании и насколько это знание ценно, провести полную инвентаризацию существующего понятийного аппарата наук об обществе и человеке, начать процесс на деле (а не декларативно) полноценной интеграции гуманитарных и естественных наук.

⁹⁸ *Wendt A.E. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. pp. 14-20.*

¹⁰¹ *Там же. p. 11.*

Часть 3.

НА ПУТИ К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ

Глава 1. Сознание: мы знаем, что ничего не знаем

Главный вывод, который можно сделать из текста данной главы, достаточно прост: мы не до конца понимаем, что такое сознание и как оно «работает». С терминологической точки зрения, существуют обоснованные требования — заменить понятие сознания на «психику» или «разум» («разумность»). С точки зрения различных дисциплин, под сознанием понимаются нередко противоположные (или частично противоположные) феномены. Так, в психологии и психиатрии сознание противоположно бессознательным состояниям (сон, кома, обморок), то есть суть сознания в постоянном контакте с реальностью и в способности как-то реагировать на данную реальность. Для нейрофизиологов также характерно противопоставление сознательного и бессознательного, но важной частью определения сознания для представителей этой отрасли знания являются чисто физические характеристики мозга: сознанием считается активность мозга, включающая малоамплитудные нерегулярные пульсации с частотой от 20 до 70 Герц (то есть 20—70 колебаний в секунду). В то же время, в некоторых социальных науках и философии под сознанием понимается некое единство психологических актов различных типов, происходящих на всех имеющихся уровнях (от атомных и биохимических взаимодействий до групповых идентичностей)¹⁰². Важно сделать оговорку: в данной главе речь не идет о коллективном сознании, которое, без сомнения, является производным от личностного (индивидуального) сознания.

Всеохватность и, вместе с тем, неуловимость феномена сознания привели к тому, что ученые несколько тысячелетий старались не делать каких-либо универсальных умозаключений по поводу сознания. Вряд ли это было сознательным (!) шагом с их стороны: более вероятно, что в рамках античной и средневековой философской традиции достаточно было описать только отдельные аспекты этого много-сложного явления.

¹⁰² Винник Д. В. "Проблема сознания": метафизическое и естественнонаучное содержание // *Философия науки*. 2011. № 2. С. 87-88.

Согласно современным представлениям, впервые предположения о сознании выдвинул древнегреческий врач Алкмеон из Кротона, который предположил, что «вместилищем» сознания может быть мозг человека. Все же, стоит отметить, что в античные времена сознание мыслилось как пассивное начало — активным началом была сама Вселенная (Логос, Космос). Соответственно, сопричастность индивидуального сознания и Вселенной давала возможность человеку мыслить, познавать себя и окружающий мир¹⁰³.

Позднее, наряду с сотнями других мыслителей, Фома Аквинский (1225—1274) задавался вопросом, чем отличается вынужденное поведение людей от их добровольного выбора. Для средневековых философов важно было понять, как происходит отклонение от законов природы, предначертанных свыше. В духе времени, Фома Аквинский рассматривал вопрос свободы воли (как и почему человек выбирает делать нечто одно, а не нечто другое) исключительно с точки зрения соотношения с конечным результатом. Если законы природы (а тем паче законы благодати) нарушаются, в этом состоит намеренный выбор человека. Основатель философии утилитаризма Иеремия Бентам (1748—1832) уточнил рассуждения Фомы Аквинского и полноценно определил понятие **намерения**, сузив сложный процесс принятия решения человеком к соотношению информации о реальности и результата. Иными словами, все действия подразумевают намерение: если вероятность результата велика и все действия просчитаны, намерение является явным, если же многое о результате неясно и часть действий носит случайный характер, но намерение — скрытое. Бентам предлагал не сводить все к бинарным сопоставлениям и отмечал, что можно выделить несколько степеней намеренности действия (ненамеренное, неявное, опосредованное, прямое, точное). Иными словами, понятие намерения определялось через то, что человек знает. От намерения И. Бентам отличал **мотив** — те прямые и конечные результаты, к которым человек стремится. То есть намерение — производное от знания, мотив — от ожидаемого результата: мотив иногда кристально ясен, а вот намерение может быть неявным или слабо выраженным (опосредованным)¹⁰⁴. Окончательно эти понятия вошли в научный оборот после опубликования работ австрийского мыслителя Франца Brentano (1838—1917), который описывал **интенциональность** — направленность сознания на некий

¹⁰³ Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. *Феномен сознания*. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 25.

¹⁰⁴ Kenny A. *Philosophy in the Modern World*. Oxford: Oxford University Press, 2007. p. 192-194.

объект, частными случаями которого были и намерение, и мотив в работах И. Бентама. Можно отметить, что наличие намерений, то есть рефлексии по поводу текущего положения дел и формулирование целей по изменению этого положения в собственных интересах — это наиболее заметная составляющая сознания, которая имеет наиболее продолжительную историю изучения.

Помимо обращения к паре «намерение—мотив», в науке Нового времени весьма долгими были поиски эпистемологических оснований исследований, которые также обращались к темам, смежным с феноменом сознания. Вопрос «Как возможно знание?» (если вообще оно возможно) до сих пор остается крайне запутанным. Наиболее важной с точки зрения феномена сознания следует считать теорию познания Иммануила Канта (1724—1804), который пытался примирить две фундаментально враждующие школы мысли — рационалистов и эмпириков. Первые полагали, что важные элементы знания доступны человеку до опыта общения с внешним миром, а вторые настаивали, что любое знание приобретается опытом. Кант допустил существование априорного знания (знания до опыта), но признал, что оно не выходит за границы опыта. Этот несложный компромисс потребовал от него ввести ряд различий (между априорным и рациональным, познанием и мышлением) и признать наличие весьма сложной системы познания у индивидов. Важнейшее различие — между «**разумом**» и «**рассудком**», иными словами, между производством знания и его упорядочиванием¹⁰⁵. Кантовский рассудок подразумевал способность к категориальному мышлению, а значит не только к обыденному мышлению, но и к научному. Разум же в эпистемологии И. Канта — стремление ума к теоретической полноте познания, к недостижимому идеалу всезнания¹⁰⁶. Таким образом, помимо выдвигания целей, важная составляющая сознания — это упорядочивание того, что уже известно, а также способность увидеть неполноту и фрагментарность уже известного.

Развитие науки в Новое время привело, как известно, к специализации исследователей и обособлению целого ряда научных дисциплин. Не исключением была и психология, задачей которой было, помимо прочего, соотнесение ментальных состояний с характеристиками человеческого мозга. Одним из основателей этого направления исследований считается Вильгельм Вундт (1832—1920),

¹⁰⁵ Такое различие, вероятно, не было открытием Канта — нечто подобное можно найти в произведениях Николая Кузанского и Джордано Бруно.

¹⁰⁶ Ойзерман Т.И., Нарский И.С. *Теория познания Канта*. М.: «Наука», 1991. С. 119–123.

который считал проявления разума физиологическими реакциями мозга. Через работы американского философа-прагматика Уильяма Джеймса (1842—1910), который стажировался у Вундта, такое прочтение психологических процессов усвоили и англо-саксонские мыслители. Хотя многие идеи Джеймса и Вундта прямо восходят к творческому наследию Рене Декарта, работы данных психологов опирались, прежде всего, на опытные данные и были нацелены на максимальное «освобождение от философии»¹⁰⁷. Для дальнейшего обсуждения важна ключевая для работ Вундта и Джеймса дихотомия «тело—разум» (или «мозг—разум»), то есть соотношение физиологических (психофизических) и ментальных состояний индивида. По сути, это проблема локализации сознания — где именно находится то, что упорядочивает знание, обеспечивает рефлексивность и определение дальнейшей линии поведения человека.

Несмотря на то, что вышеперечисленным размышлениям о сознании было брошено как минимум два серьезных вызова (со стороны Людвиг Витгенштейна и Зигмунта Фрейда)¹⁰⁸, наиболее серьезный толчок к изучению сознания был связан с вопросом, который в 1950 году сформулировал математик Алан Тьюринг (1912—1952): «Может ли машина мыслить?». Проблема воспроизводимости сознания в искусственных условиях (то есть возможность сознания небиологического происхождения) дала старт исследованиям в области искусственного интеллекта на стыке биологии, психологии, математики, программирования, лингвистики, философии. Именно в рамках этого направления исследований о сознании стали говорить преимущественно как о целостном явлении: помимо прозаического «где?» в когнитивные исследования окончательно добавилось кантовское «как?».

Тысячелетия размышлений над проблемой сознания¹⁰⁹ породили всего два наименее спорных критерия сознания. Первый — «тест

¹⁰⁷ Kenny A. *Philosophy in the Modern World*. pp. 198-202.

¹⁰⁸ З. Фрейд ввел понятие бессознательного, которое является скорее производным сознательного, чем результатом физиологических процессов. Наличие бессознательного, которое также влияет на ментальные состояния, вне зависимости от физиологии — это, вне сомнения, сильный удар по позитивизму в психологии. В свою очередь, в поздние годы творчества Л. Витгенштейн подверг критике понятие «Я» и ставил под сомнение измеримость ментальных состояний. Исходя из того, что «Я» — это не часть «Я», а «Я» в целостности, также как Рим — это не часть Рима, а то, чем Рим является, Витгенштейн выступил против дробления «Я» (то есть фактически, сознания) на некие неизбежно измеримые компоненты.

¹⁰⁹ Авторы просят прощения: у читателя — за вульгарное упрощение истории философии сознания, а также у сотен достойных мыслителей, чьи труды и идеи не были упомянуты.

Тьюринга», то есть признание сознательным субъектом наличия сознания у собеседника (адресата) в ходе общения (шире — иных форм коммуникации). Иными словами, в ходе эксперимента необходим субъект с сознанием, чтобы определить наличие сознания у объекта исследования. Вторым критерий — условно «внутренний», подразумевающий наличие некоего целостного отображения реальности, совокупности ментальных образов. Отображение реальности необязательно должно в точности соответствовать тому, что существует на самом деле¹¹⁰.

На сегодняшний день можно выделить несколько наиболее распространенных подходов к феномену сознания. От позитивистской философии некоторые ученые унаследовали радикальный материализм. Этот подход сводится к такому набору утверждений:

1) можно верифицировать (фальсифицировать) ментальные состояния (такие как боль, эмоции, убеждения), но нет адекватной их теории, что делает эмпирические наработки несколько бессмысленными;

2) нет ничего специфически ментального в тех состояниях, которые называются таковыми: эти состояния обусловлены изменением мозга как системы, входом и выходом соответствующих сигналов;

3) психологические понятия (верования, убеждения, эмоции) — это кодовые обозначения, которые используются для удобства исследователей, но не отражают реальные состояния мозга;

4) воспроизведение сознания компьютером возможно;

5) в результате, ментальных состояний как таковых, вероятно, не существует;

6) может быть, и сознания как такового не существует или же оно есть только в форме наблюдаемых проявлений.

Материализм основывается на допущении, что наука есть объективное знание. Исходя из этого исследователям следует избегать обращения к субъективному, опираться на естественнонаучные методы или методы наблюдения (англ. third person-based methods). Это подразумевает, что наблюдаемое поведение и проявления ментальных состояний — тождественные феномены, а объективная реальность тождественна реальности естественнонаучной (физической)¹¹¹.

¹¹⁰ Существует хороший пример на этот счет: попробуйте представить в уме зебру и посчитать, сколько у нее полос. Если Вы не работник зоопарка, любитель сафари или специалист по непарнокопытным, то Вы, скорее всего, не сможете подсчитать количество полос. И это абсолютно нормально, поскольку в памяти содержится образ зебры, а не ее изображение (≈ иллюстрация).

¹¹¹ Searle J. R. *Rediscovery of Mind*. Cambridge-London: the MIT Press; A Bradford Book, 2002. pp. 6-8, 10-12.

Естественно, любой сомневающийся исследователь задастся вопросом о том, а стоит ли принимать на веру отождествление объективной реальности с естественнонаучной, а поведения — с проявлением ментальных состояний. Известный специалист по философии сознания Д. Чалмерс отмечает, что с легкостью можно логически опровергнуть материализм. Главный довод заключается в самом наличии сознания: мы можем придумать мир, физически идентичный нашему, но действующий по иным правилам — например, населенный зомби. В нашем мире зомби существуют исключительно в популярной литературе и продукциях кинематографической и игровой индустрий. Но сама возможность придумать мир зомби (и весьма подробно описать, как он функционирует) свидетельствует о том, что сознание вносит дополнительные элементы в реальность, которые нельзя описать естественнонаучными методами (как измерить температуру или скорость движения в воображаемом мире зомби?).

Вместо материализма, Дэвид Чалмерс предлагает сформулировать сдержанную версию дуализма, который предполагает, что наука способна объяснить феномен сознания. Но важная оговорка философа заключается в том, что это должна быть психофизика, а не физика в чистом виде, — такая наука, которая способна работать с несколькими взаимоисключающими характеристиками феноменов: «Чтобы уместить сознание в рамках некоей фундаментальной теории, нам нужно сформулировать новые фундаментальные понятия (характеристики) и законы»¹¹².

Дуализм подразумевает ряд существенных расхождений с материализмом:

- 1) ментальные состояния реально существуют; их появление не связано только с деятельностью мозга;
- 2) сознание, вероятно, существует — причем не только в наблюдаемых проявлениях;
- 3) психологические понятия в какой-то мере отражают реальные состояния сознания, хотя и нуждаются в уточнении и переосмыслении.

В то же время, для дуализма остается нерешенным вопрос об искусственном интеллекте. Главные возражения сводятся к двум аргументам. Во-первых, искусственный интеллект не сможет вести себя как полноценная когнитивная система. Дж. Серль сформулировал весьма убедительный мысленный эксперимент «Китайская ком-

¹¹² Chalmers D. *The Conscious Mind: in search of a fundamental theory*. New York: Oxford University Press, 1996. pp. 123-126.

ната», в котором показал, что прохождение теста Тьюринга вполне может означать симуляцию (сложное, но неосознанное воспроизведение) общения, а не осознанное общение¹¹³. Великий россиянин И. Кант описал бы такую ситуацию как упорядочивающую деятельность рассудка, но без участия разума.

Во-вторых, существуют математические ограничения для деятельности искусственного интеллекта, которые, вероятно, не применимы к человеческому сознанию. Речь идет о так называемой «второй теореме Гёделя о неполноте». Эта теорема имеет отношение к математической логике и утверждает, что в рамках некоторой теории (комплекса логических утверждений) нельзя доказать ее непротиворечивость с помощью средств (формул) такой теории. В расширительном толковании этой теоремы, субъект внутри системы не способен адекватно описать ее, что снижает возможности полноценной рефлексии искусственного интеллекта¹¹⁴.

Дж. Чалмерс предлагает обойти данные возражения путем уточнения того, как именно сознание соотносится с материальным миром. Во-первых, нужно определить **степень** (силу) связи физического и ментального. Во-вторых, вероятно, надо переосмыслить и переопределить **перечень** тех физических систем, которые приводят к появлению сознания (иными словами, нужно ли точно воспроизводить условия появления человеческого сознания для создания искусственного интеллекта?)¹¹⁵.

Первый аргумент Чалмерса оспорить сложно. Очевидно, что зависимость сознания от материальных факторов нелинейная. Например, нынешний министр жилищного строительства и городского развития США Бен Карсон прославился как нейрохирург. В 80-е гг. прошлого столетия его сделали знаменитым операции по удалению полушарий мозга — такие процедуры рекомендуются при некоторых

¹¹³ Предположим, создан искусственный интеллект, который формулирует ответы в виде китайских иероглифов. Носители китайского языка общаются с ним, искусственный интеллект обрабатывает их фразу и выдает ответ — и тем самым проходит знаменитый тест Тьюринга. Дж. Серль предлагает рассмотреть другую ситуацию: искусственный интеллект только получает сообщения, а ответ вводит человек, не владеющий китайским, но обладающий достаточным временем и ресурсами, чтобы повторить алгоритм действия искусственного интеллекта. У человека априори есть сознание, так что тест Тьюринга будет пройден. Принципиальной разницы в действии искусственного интеллекта и человека-оператора нет, так как ни тот, ни другой не понимают китайского языка.

¹¹⁴ Дж. Чалмерс опровергает этот аргумент так: люди описывают окружающую действительность исключительно противоречивыми теориями, то есть вторая теорема Гёделя применима и к ним.

¹¹⁵ Там же. С. 314-316.

дегенеративных заболеваниях мозга. Хотя, в краткосрочной перспективе, у пациентов с удаленным полушарием мозга была парализована половина тела, этот эффект обратим: по оценкам самого Карсона, в 80% случаев удалось обратить негативные последствия дегенеративных заболеваний — к пациентам возвратились речь и двигательная активность¹¹⁶. Это свидетельствует о том, что возможности мозга к адаптации значительны, а уменьшение мозга наполовину не сказывается на том, как люди запоминают и мыслят об окружающем мире и своем месте в нем.

А вот второй аргумент Дж. Чалмерса, при всей резонности его формулировки, имеет более спорный характер. Для его подтверждения надо либо предъявить (изобрести) небиологические системы, которые обусловили появление сознания, либо использовать аргумент «черного лебедя». Напомним, что это понятие подразумевает, что наш опыт во многом ошибочен, а человеческий разум концентрируется на уже известном. То есть важное и неизвестное до некоторых пор от нас скрыто — но рано или поздно нам о нем станет известно¹¹⁷. В этом смысле, аргумент «черного лебедя» подобен ожиданию «скрытого имама» в шиитском варианте ислама.

Таким образом, для дуалистов вопрос искусственного интеллекта не является до конца решенным: кто-то отвергает возможность его создания, кто-то оставляет возможность будущим поколениям расставить все на свои места. В этом суть большинства претензий к дуализму в изучении сознания: ответы на важные вопросы часто не вносят никакой ясности.

Поскольку идеализм в чистом виде современной наукой отвергается, альтернативами дуализму могут быть промежуточные версии материализма («частично идеалистические материализмы»¹¹⁸) и онтологические плюрализмы, то есть концепции, которые не сводят все к бинарным противопоставлениям. Конкретные предложения сформулировать непросто, поскольку необходимо затронуть ряд масштабных и спорных вопросов, связанных с феноменом сознания.

¹¹⁶ *Scientist at work: Benjamin S. Carson; For Many, Pediatric Neurosurgeon Is a Folk Hero.* URL: <http://www.nytimes.com/1993/06/08/science/scientist-work-benjamin-s-carson-for-many-pediatric-neurosurgeon-folk-hero.html>

¹¹⁷ Талей Н.Н. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости.* М.: Колибри, Ахбука-Аттикус, 2017. С. 13–20.

¹¹⁸ В наши дни один из наиболее популярных видов материализма — это функционализм, рассматривающий сознание в качестве функции мозга. То есть для решения задач выживания в свое время мозгу понадобилась сложная образно-символическая и отчасти саморегулирующаяся система. Но ответов на вопросы «зачем?» и «как?» функционализм практически не дает.

Перечень вопросов приблизительно таков:

1) как зародилось сознание у людей? (как трактовать теорию эволюции?)

2) есть ли некое универсальное правило появления сознания? (если, да, то в чем специфика человеческого сознания?)

3) как идентифицировать сознание (то есть, как субъективно/объективно приписать наличие чего-то, что хотя бы частично субъективно)?

4) влияет ли сознание на поведение?

5) какой код сознание использует для описания ситуаций, определения линии поведения, сохранения информации?

6) почему сознание вообще существует?

Мы точно знаем немного: в настоящее время все решения «трудной проблемы сознания» недостаточны. Видимо, сознание — это не совсем «вещь» в физическом смысле, а скорее состояние и процесс (но не слишком понятно чего). Также очевидно, что сознание включает в себя большое число интерсубъективных феноменов, которые основаны на механизмах неоднозначности и неопределенности (язык, память, ощущения)¹¹⁹. Пока наука не нашла адекватного способа работать с данными феноменами, но уже предложено множество интересных подходов, которые, вероятно, помогут пролить свет на многих из имеющихся вопросов.

Глава 2. Часть и целое: некоторые подсказки из физики

То, что отдельные элементы, складываясь в нечто большее — сборное — придают ему не наблюдавшиеся до этого свойства, явление известное и достаточно распространенное. Вспомнить хотя бы сноп или метлу, которые гораздо труднее сломать, чем отдельный стебель или прутик. «Целое больше, чем сумма частей» — расхожая фраза, отражающая подобные феномены. Впрочем, точнее было бы, наверное, говорить: «Целое — иное, чем сумма разрозненных частей». Убедительной иллюстрацией здесь может служить любая молекула, которая в самом общем случае (за исключением, разумеется, одноатомных молекул) не повторяет свойств составляющих её ато-

¹¹⁹ Черниговская Т.В. *Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 13-15.*

мов, а обнаруживает настолько отличные от них качества, что сравнивать их в какой бы то ни было шкале, включая «больше—меньше», представляется едва ли не абсурдным.

В то же время нельзя отрицать тот интуитивно принимаемый факт, что именно свойства атомов — химических элементов — и определяют в конечном счете свойства собранных из них молекул. И химики готовы подтвердить это бесчисленным количеством указаний в пользу такого взгляда, например, замените в молекуле кислорода один из атомов на атом углерода и вы получите угарный газ.

Поэтому в данном классе примеров — от снопа до самых сложных химических соединений и кристаллических структур — проблему «целое—части» принято рассматривать в рамках эмерджентизма, означающего принципиальную возможность вывести (предсказать) свойства сборной конструкции на основании знаний о свойствах её отдельных элементов и о «чертеже» или пространственном рисунке сборки.

Сложнее обстоит дело в биологии и в кибернетике, где приходится принимать во внимание различные динамические характеристики взаимодействия, включающие среди прочего зависимость целого от соотношения скоростей протекающих в отдельных его частях процессов и в силу этого — от возникающих во времени причинно-следственных цепочек, вообще говоря, не всегда обладающих однозначной направленностью. Широко известным примером такого рода можно считать рекомендации принимать одни лекарства до еды, а другие — после: результат двух биохимических реакций может меняться в зависимости от их последовательности, причем зачастую опосредованно — через влияние на превращения и процессы, происходящие в пространственно удаленных от желудочно-кишечного тракта (как в данном случае) частей организма.

Последнее обстоятельство, по всей видимости, даёт основания для холистического взгляда, предполагающего влияние целого на свойства своих частей, что, очевидно, не подрывает эмерджентистского подхода, при условии, что «восходящий» эмерджентизм дополняется «нисходящим», понимаемым как коррекция со стороны целого на происходящее в его частях с последующим «исправлением» самого целого. Такая система обратной связи в результате необходимого количества итераций приводит к состоянию «целого», в конечном счёте, определяемого состояниями «частей». И вновь появляются все основания говорить о детерминистической роли свойств частей в отношении свойств целого. Отметим, что такой детерминизм существенно содержит разнесенную во времени (диахронную) последовательность причин и следствий.

В общественных науках «части» — это человеческие существа, индивидуумы, каждый из которых постоянно обнаруживает «намерения» или «намеренные действия». Теперь уже понимание свойств «целого» — социальных структур — как производного от свойств отдельных его членов, очевидно, не может быть исчерпывающе реализовано в рамках эмерджентизма даже вкупе со сколь угодно ухищренными поправками и дополнениями холистического происхождения, содержащих каскад последовательных (следующих друг за другом) итерационных коррекций со стороны целого на его части и в обратном направлении. Понятно, что многие «намеренные действия» отдельных людей и социальных структур в целом происходят не «по очереди», а синхронно взаимно и непрерывно, определяя принципиально неотделимые друг от друга и делокализованные по пространству общезития свойства.

Приходя к этому выводу, А.Вендт отмечает, что подобное присутствие явных черт эмерджентизма и холизма при отсутствии как «вертикальной», так и временной причинно-следственной иерархии (flat) не имеет аналога в классической физике, что служит автору «Quantum Mind and Social Sciences» лишним аргументом для поиска единого онтологического фундамента естественных и общественных наук в квантовой теории.

Действительно, квантовые представления позволяют непротиворечиво сочетать в единой картине синхронное и «равноправное» взаимовлияние «целого» и его частей. Отправной точкой для такой возможности служит уже упоминавшийся принцип суперпозиции двух или нескольких состояний одной и той же системы, согласно которому она пребывает в них одновременно, но, вообще говоря, с неодинаковыми вероятностями обнаружить то или иное состояние при измерении. Одним из следствий такой посылки является утверждение о невольном выборе, осуществляемом одной из частей «целого» (система + «измеряющий» её наблюдатель), а именно наблюдателем, реализующим (фиксирующим) лишь одно из всех возможных состояний другой части — системы. Но это же означает, что воздействуя на систему путем такого выбора, сам наблюдатель в тот же момент перешёл в иное состояние: своей осведомленности о конкретном состоянии измеряемой им системы. Этот логический пассаж сродни рассуждению, которое носит название «парадокса друга Вигнера»¹²⁰. А. Вендт. в рамках общей гипотезы о квантовой природе человеческого разума предпринимает попытку обосновать

¹²⁰ Wigner E P "Remarks on the mind-body question // The Scientist Speculates. Ed.by I. J. Good. London: Heinemann, 1961. p. 284.

применимость квантово-механического подхода к проблеме «агенты — структура»¹²¹. Последняя, как известно, восходит к исследуемой ещё с античных времен проблеме «части — целое», дополнительно усложняясь намеренностью действий как «частей» (агентов-индивидуумов), так и «целого» (социальная структура). Как и другие проявления сознания, намеренные действия не подпадают под «юрисдикцию» законов физики, по крайней мере, классической физики. Именно это обстоятельство подвигает А.Вендта искать общий онтологический фундамент общественных и естественных наук в квантовой картине мироздания. В частности, путь к разрешению проблемы «агенты — структура» он видит в принятии «плоской» — лишенной вертикальной иерархии уровней («целого» и «частей») — эмерджентистской онтологии. Последняя, согласно рассуждениям А.Вендта, невозможна в рамках классической физики.

Мы хотели бы в рамках конкретной модели проиллюстрировать ряд специфически квантовых явлений, кардинально корректирующих обиходные представления о причинно-следственных взаимодействиях «целого» и «частей». Другой целью изучения представленной здесь модели можно считать попытку заново взглянуть на признаки и критерии разделения на «целое» и «части».

Рассмотрим шар на исходно квадратном бильярде, два борта которого, скажем, левый и нижний обладают фиксированным положением, а два других могут свободно перемещаться параллельно самим себе, но так, что общий периметр бильярда остаётся неизменным. Если придать шару некоторый импульс в любом направлении, не параллельном сторонам бильярда, то первое же соударение с одним из подвижных бортов приведёт к вытягиванию квадрата в прямоугольник. Затем отраженный шар, рано или поздно ударит в другой подвижный борт, движущийся в силу постоянства периметра навстречу, что приведёт к частичному уменьшению вытянутости или, в зависимости от угла начального импульса, к восстановлению квадратной формы или даже — к вытягиванию в прямоугольник другой направленности. Так или иначе, но, используя уравнения классической механики, мы сможем точно предсказать и местонахождение шара, и конфигурацию бильярда в любой момент времени. То есть, состояние целого как совокупность состояний его частей: шара и бортов. Такая предопределенность имплицитно присуща классической механике: будущее системы строго детерминировано начальными условиями или измеренными в произвольный момент времени параметрами.

¹²¹ *Wendt A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. pp. 247-267.*

Совсем иная картина возникает, если под шаром мы будем подразумевать квантовую, субатомного размера частицу, скажем, электрон.

Начать с того, что она, чтобы двигаться, не нуждается во внешнем толчке: будучи помещенной в замкнутое поле описанного бильярда, частица обладает вполне определенной кинетической энергией, которая точно вычисляется при помощи уравнения Шредингера — основного уравнения квантовой механики. При этом она будет оказывать давление на борты бильярда, которое также можно рассчитать. Для нашего рассмотрения важными являются два результата такого расчёта:

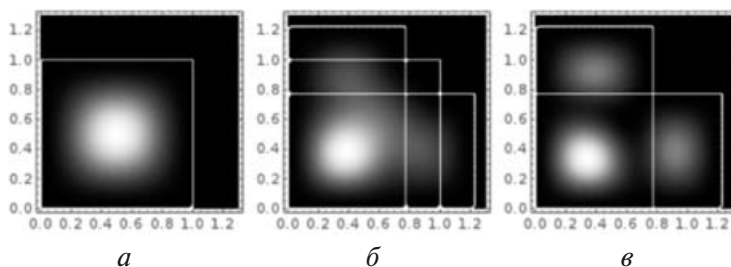
1. Если на бильярде всего одна частица, то она будет давить одинаково на все четыре борта, и, следовательно, не нарушит исходную квадратную конфигурацию. Добавление второй частицы не нарушит симметрии и сохранит квадрат неизменным.
2. А вот добавление в систему третьей частицы приведёт к различиям в величинах её давления на смежные стороны квадрата: либо оно окажется больше на левый и правый борты, либо — на верхний и нижний.

Закономерен вопрос: какое из этих двух «либо» реализуется? Квантовая механика даёт ответ: равновероятно. Но это — если все четыре борта жёстко закреплены. В нашей конструкции с подвижными бортами и постоянным периметром ответ будет иной: ни то, ни другое, а суперпозиция двух состояний — одно из которых характеризуется вытянутостью квадрата слева направо, другое — сверху вниз. Это не означает, что форма бильярда, его очертания можно будет представить в виде наложения двух прямоугольников. Согласно квантово-механическим представлениям, в данном случае о положении подвижных бортов говорить вовсе нельзя. Единственно, что может дать скольконибудь наглядное представление о форме нашего бильярда с тремя частицами это — картина плотности их распределения на поле бильярда, которая в квантовой механике заменяет траекторию классического шара. В отличие от последнего, согласно наиболее распространённой сегодня «копенгагенской» интерпретации квантовой механики, у субатомной частицы нет траектории, а есть лишь *вероятность обнаружить её в той или иной точке при измерении*.

Эта вероятность тоже может быть рассчитана при помощи уравнения Шредингера и изображена в виде «облака» переменной плотности: там, где оно гуще, электрон бывает чаще, где реже — реже. На рисунках приведены соответствующие рассмотренным в нашем случае облака электронной плотности: одна частица оказывает одина-

ковое давление на все четыре стороны бильярда, который сохраняет квадратную форму (а); три частицы (б); отдельно третья частица, которая в силу, оказываемого ею различного давления на смежные борты распределена несимметрично, при этом говорить о местонахождении подвижных бортов некорректно (белые линии очертаний прямоугольников, составляющих квантовомеханическую суперпозицию не отражают никакой реальной геометрии системы: она проявляется лишь в конфигурации облака третьей частицы) (в).

Отметим ещё, что рисунок в может реализоваться и в случае одного-единственного электрона при условии, что система приобретёт (поглотит) извне строго определенное количество энергии (квант света — фотон).

Отметим также, что некоторая искусственность представленной модели продиктована дидактическими соображениями. Подобные нарушения симметрии с исчезновением наглядно представимой конфигурации наблюдаются во множестве реальных молекул и известны под общим названием «динамический эффект Яна—Теллера»¹²², однако из-за большого количества электронов и ядер, изображение облаков электронной плотности представляло бы значительную сложность.

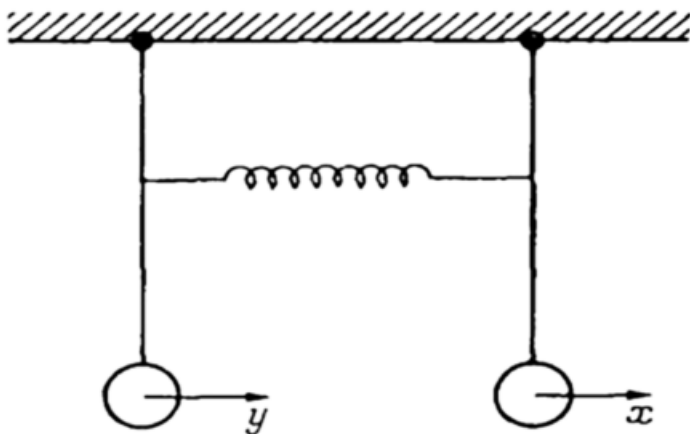
Здесь хотелось бы вернуться к высказанному А.Вендтом утверждению об отсутствии в классической физике синхронного эмерджентизма, иначе говоря, о невозможности вообразить или описать на её языке одновременного воздействия частей на части и частей на целое. На первый взгляд, действительно, наши повседневные представления об окружающей (непосредственно наблюдаемой) реаль-

¹²² A. P. Mineyev, Yu. A. Sharonov, N. A. Sharonova, V. A. Figlovsky "Orbit-Orbit Interaction in the NO-Fe(II) Hemoproteins Studied by the Low-Temperature Magnetic Circular Dichroism: Dynamic Jahn-Teller Effect Detected by MCD" *International Journal of Quantum Chemistry*, Vol. XVI, 883-889 (1979).

ности и произрастающий на них «здравый смысл» не допускают ничего иного, как последовательное, разнесённое по времени причинно-следственное взаимодействие. А поскольку классическая физика изъясняется на языке именно нашего обыденного опыта — единственного из доступных нам с самого рождения, то и утверждение о запрете синхронного эмерджентизма в «классике» представляется соблазнительно очевидным.

Тем не менее, мы рассмотрим здесь вполне классический пример физической системы, внимательное рассмотрение которой может посеять известные сомнения в столь категоричном отказе классической физике моделировать синхронные взаимодействия частей и целого.

Речь пойдёт о так называемых «биениях», а конкретнее о наиболее простой модели, позволяющей рассмотреть это любопытнейшее явление, о двух, соединённых между собой мягкой пружинкой механических маятниках.

Выше, рассматривая модель квантового бильярда, мы упомянули о схожести происхождения описанных взаимодействий частицы и ограничивающих её подвижных бортов с известным в квантовой теории молекул эффектом Яна—Теллера. К этому же ряду примыкает и молекула аммиака NH_3 суперпозиционно пребывающая в конфигурации тетраэдра и такого же тетраэдра, но как бы вывернутого наизнанку — атом азота находится не над, а под плоскостью, проведённой через три атома водорода. На предположении о такой инверсии был создан первый лазер — так называемый аммиачный мазер, и этот пример под-

робно и блестящим образом рассмотрен в знаменитых Фейнмановских лекциях по физике. Именно в них Ричард Фейнман обращает внимание на аналогию поведения «выворачивающейся наизнанку» молекулы аммиака (квантовой системы) с чисто классической системой из двух одинаковых маятников, соединенных пружинкой.

Рассмотрим, следуя Фейнману, что произойдёт, если мы ненадолго отклоним, например, вправо правый маятник из положения равновесия. Поскольку мы предположили, что пружинка у нас весьма мягкая, то можно предвидеть, что первые колебания будут происходить почти так же, как если бы её не было. Но, коль скоро она всё же связывает маятники, то рано или поздно другой, покоившийся поначалу маятник начнёт «чувствовать» приходящие к нему через сжатую пружинку толчки. Этот процесс, поскольку его периодичность будет той же, что и для свободного маятника (они ведь по условию — одинаковые и потому обладают одинаковой собственной частотой, а значит и — периодом собственных колебаний) будет развиваться в сторону обретения вторым маятником всё большей амплитуды и одновременным угасанием амплитуды первого — отклонённого нами в начале опыта. (Суммарная энергия системы должна сохраняться — это всемирный закон, не знающий пока исключений). Так будет происходить до тех пор, пока первый маятник не остановится, а второй — приобретёт максимальную амплитуду, равную той, на которую мы отклонили первый. Очевидно, что после этого процесс пойдёт вспять и наблюдавшийся нами цикл в точности повторится, но уже — «слева направо».

Зададимся теперь вопросом: можно ли в такой системе вычленить последовательность влияния частей на целое и обратного влияния? Похоже, что нет: процесс взаимовлияния маятников друг на друга посредством соединяющей их пружины выглядит в нашем эксперименте непрерывным, иными словами, весьма затруднительно разглядеть в нём диахронную последовательность причин, исходящих от частей и имеющих следствием изменение состояния целого. Всё происходит синхронно.

Нам представляется, что приведенный пример, по меньшей мере, делает неоспорной ту дискриминацию классической физики в рассмотрении онтологических вопросов, которую А.Вендт обильно эксплуатирует в своих устремлениях к квантово-механическим аргументам в своих уопостроениях относительно общественных наук, в частности при рассмотрении проблемы «агенты — структура».

Попытаемся теперь описать приведенные результаты в терминах взаимного воздействия частей и целого. Если принять, что «частями»

в нашей квантовой модели являются электроны, а под «целым» будем подразумевать конфигурацию бортов бильярда, то можно говорить о радикальной зависимости «целого» не столько от свойств (качества) «частей», сколько от их количества: первые два электрона не нарушают исходной симметрии бильярда и позволяют вполне корректно говорить о его очертаниях, добавление же третьего электрона приводит к искажению квадратной формы и к невозможности изъяснить на обиходном языке местоположение бортов бильярда, то есть, к утрате самой возможности описывать интересующие свойства нашего «целого». При этом свойства «целого» (подвижность бортов и постоянство периметра) никак не отражается на состоянии первых двух электронов, но приводят к радикальному перераспределению пространственной плотности третьего по сравнению с той, что наблюдалась бы в случае жёстко закрепленных бортов.

Если же в качестве «частей» мы возьмём электроны и не содержащий их (пустой) бильярд, то «целое» — картина «электроны в бильярде и его форма» — едва ли можно будет охарактеризовать как источник воздействия на исходные свойства «частей».

В любом случае, рассмотрение квантовомеханических задач, моделирующих проблему «части — целое» и при этом допускающих точное математическое решение, очевидно поможет обогатить арсенал средств для уточнения формулировки и более глубокого понимания сути такой ключевой для социальных наук проблемы, какой является «проблема агенты-структура».

Возможно, что и потенциал моделей классической физики окажется здесь далеко не исчерпанным. По крайней мере, обнаруженный нами пример двух связанных пружиной маятников, кажется, не противоречит такой надежде. В любом случае, рассмотрение квантовомеханических задач, моделирующих проблему «части — целое» и при этом допускающих точное математическое решение, очевидно, поможет обогатить арсенал средств для уточнения формулировки и более глубокого понимания сути такой ключевой для социальных наук проблемы, какой является «проблема агенты-структура».

Глава 3. Некоторые категории «квантового сознания»¹²³

Очевидно, что освоение социальными науками хотя бы некоторых идей и подходов квантовой механики потребует сформулировать или адаптировать новый категориальный аппарат. В исследованиях сознания такая работа уже ведется.

Первая важная категория — это психологическое пространство, в котором содержатся все возможные решения, убеждения, ценностные ориентации, базисные установки. С точки зрения математики, это пространство обладает бесконечной размерностью, а любая мысль или убеждение — это некий вектор (прямой путь от состояния А к состоянию В). Причем такое пространство может образовываться векторами, чьи компоненты — комплексные числа (т.е. содержат в себе мнимые числа)¹²⁴.

Еще одна важная категория — это некое начальное состояние системы (индивида, группы). От этого состояния к новому состоянию также ведет некий вектор, но в момент неопределенности он напоминает, скорее, вытянутое и неравномерно размазанное пятно. Поэтому математические аспекты описания начального и последующего состояния системы состоят в определении плотности в условных зонах или «отрезках» пятна (условно говоря, предпочтительности определенных вариантов развития событий в процессе принятия решений). При этом, первичное и новое состояния системы — в определенной мере условны, поскольку согласно принципу неопределенности Гейзенберга нельзя установить состояние системы с абсолютной точностью.

Кроме того, «квантовые» теории сознания рассматривают процесс принятия решения как открытую систему, в которой мыслительная динамика конкретного человека соприкасается с внешней средой. Причина такого предположения теории достаточно очевидна: если мы предположим, что система закрытая, возникнет проблема обратимости результатов. Иными словами, одна группа факторов способна привести закрытую систему из состояния А в состояние В, точно так же как другая группа факторов может привести систему обратно в состояние А. В сфере принятия решений (в том числе, поли-

¹²³ *Расширенная версия текста данной главы опубликована в №4 журнала «Полис. Политические исследования» за 2017 год.*

¹²⁴ *То есть вектор представлен в виде двух независимых величин — «обычных» (действительных) и мнимых чисел. Пример мнимого числа — это $\sqrt{-1}$.*

тических) отменить решенное обычно не получается, т.е. практика задает определенные ограничения для теоретизирования.

Еще один специфический феномен, который имеет большое значение в квантовой физике — это проблема измерения. Напомним, что чем точнее мы пытаемся измерить импульс (произведение массы на скорость) частицы, тем с меньшей точностью возможно установить ее местонахождение, и наоборот. В «квантовой» теории принятия решений в роли ускользающих от исследователя частиц выступают такие элементы человеческого сознания как ощущения, предпочтения. Например, весьма затруднительно выяснить, насколько индивид может быть уверен в том или ином варианте решения. А если мы спросим об этом индивида, то, очевидно, ему придется снова обдумывать варианты (или хотя бы свой ответ), то есть мы поспособствуем переходу человека в новое состояние. И тогда непонятно, что же мы выяснили — то, что наш подопытный думал до нашего вопроса, или то, что пришло ему в голову после. Иногда измерение подобного рода может привести к тому, что индивид выбрал определенное решение, то есть измерение повлияло на состояние системы¹²⁵.

Наконец, важнейшая категория, которая учитывает разнообразие факторов, приведших к определенному результату, — это квантовая интерференция. Если упростить, то любой результат в какой-то мере является наложением различных элементов процесса принятия решений. Конкретные характеристики результата (принятого решения) отображают все виды наложения — отрицательную, положительную и неполную интерференцию¹²⁶. Существуют разные модели, которые описывают вероятность принятия того или иного решения. При всех различиях, представленные формулы отражают одну важную деталь: второй элемент, от которого зависит принятие решения, — это и есть показатель квантовой интерференции ($q(\pi_n)$). Общая формула вероятности одного возможного решения p_i из общего числа возможных решений n может выглядеть как сумма двух функций, где A и B — весовые коэффициенты, характеризующие вклад функций в конечный результат:

$$p_i = A * f(p_n) + B * f_{qi}(p_n)$$

Явление интерференции — не новое для гуманитарных и социальных наук. Например, в дисциплинах, которые занимаются анализом

¹²⁵ Yearsley J.M., Busemeyer J.R. 2016. *Quantum cognition and decision theories: A tutorial* // *Journal of Mathematical Psychology*. 2016. Vol. 74. P. 101-104.

¹²⁶ Ashtiani M., Azgomi M.A. *A survey of quantum-like approaches to decision making and cognition* // *Mathematical Social Science*. 2015. №75. P. 53.

понятий, интерференцию нередко называют «эффектом гуппи» или проблемой *Pet Fish*. Суть этого эффекта в том, что после создания смешанного понятия нередко ситуации, в которых новыми понятиями охвачено нечто, что не подпадает ни под одно из исходных понятий. Так произошло с рыбками гуппи, которые, в классическом смысле, не являются ни домашними *животными* (англ. *pet*), ни типичными рыбами (англ. *fish*) — из-за живорождения. Хотя бывают и обратные ситуации, когда явление, подпадающее под исходное понятие, не вошло в новообразованный концепт.

К чему может привести использование нового категориального аппарата? Помимо прочего, к квантификации анализа многих процессов и явлений (то есть записи в числах). Например, модель «квантового сознания» модель А.Ю. Хренникова учитывает, что значимость (величина) того или иного варианта решений зависит от контекста событий и типа когнитивной системы (все мы думаем по-разному). Кроме того, данная модель учитывает вероятностные сущности любого происхождения (например, социальные структуры). Но эти возможности стали доступными благодаря допущению, что мозг человека действует как макроскопическая «квантовая» система. В некоем контексте С индивид выбирает решение **b**, которое обозначает **x**, но не решение **a**, которое обозначает **y** (может быть несколько значений в данном контексте — y_1 или y_2)¹²⁷. В итоговом виде модель А.Ю. Хренникова выглядит устрашающе:

$$p_c^b(x, \theta) = p_c(\theta) (\sum_y p_c^a(y) p^{b|a}(x|y) + 2 \cos \theta \sqrt{p_c^a p^{b|a}(x|y_1) p_c^a(y_2) p^{b|a}(x|y_2)})$$

Безусловно, построение моделей — не самоцель. Но именно такие модели в совокупности с «большими данными» могут стать следующим этапом в развитии политической науки и международных исследований. Такие модели не отрицают субъективного начала, но в то же время оставляют исследователей в поле науки, а не околонучных спекуляций. Изучение «сознания» с точки зрения принятия решений — это только вершина айсберга, очевидно, что сфера приложения идей из квантовой физики заметно шире. Освоение «размазанности» мнения людей, понятий квантовой интерференции и открытых когнитивных систем, видимо, составляет важнейшую задачу для всех социальных наук, не говоря уже о прикладных дисциплинах вроде маркетинга, менеджмента или поведенческой экономики.

¹²⁷ Khrennikov A. *Interference of probabilities in the classical probabilistic framework // Fuzzy Sets and Systems. 2005. Vol. 155. №1. pp. 5-7.*

Вместо заключения

Исследования международных отношений и мировой политики находятся на промежуточном этапе переход от механистической картины мира — к новой картине мира. Но формы такого перехода, как и окончательное его направление — по меньшей мере, неочевидны.

Социальные и политические науки в их нынешнем виде (и теория международных отношений — не исключение) не могут справиться с двумя крупными онтологическими проблемами. Первая проблема: мы все еще не можем адекватно определить, что делать с аномалией субъективных феноменов, прежде всего, с феноменом сознания. Мы воспринимаем как должное, тот факт, что человеческие существа обладают сознанием и, в сущности, не пытаемся объяснить, с чем мы имеем дело. Это не значит, что мы игнорируем сознание в принципе: например, психологи много и охотно работают над проявлениями сознания — верованиями, убеждениями, желаниями. И международники анализируют проявления сознания — страх, идентичность, стремление к выгоде и (или) к сотрудничеству. В частности, международники-реалисты смело приписывают сознание либо государствам в целом, либо государственным деятелям: определить силовой потенциал страны, испытать страх, воспринимать угрозу — все это невозможно сделать в *бессознательном* состоянии. Напротив, международники-либералы пытаются убедить нас, что государства стремятся к сотрудничеству, потому что *осознают* взаимовыгодность кооперативного поведения, а, значит, можно и нужно договариваться о формах и правилах сотрудничества государств. Наконец, конструктивисты предполагают, что государства вступают в отношения без заранее продуманного и четкого сценария дальнейших действий, они реагируют на поведение другого, такая череда взаимных реакций и составляет основу для постоянно усложняющейся *идентичности (самоосознания, самости)* государств. Но можем ли мы что-либо утверждать относительно самого сознания? В доминирующей в научной картине мира у исследователей социальных и политических феноменов есть две альтернативы. Во-первых, можно признать, что сознание может выразить с помощью нескольких формул (закономерностей) и верифицировать эти закономерности с помощью естественнонауч-

ных методов. Во-вторых, можно утверждать, что сознание имеет немеханистическую природу, то есть выпадает из господствующей в социальных науках картины мира. Признание, что есть некий феномен, который наука не в состоянии объяснить, может привести к различным выводам, но такое признание однозначно дискредитирует научное знание и науку как сферу деятельности человека.

Вторая важная проблема социальных наук — ненаблюдаемость социальных структур. В изучении международных отношений есть место таким понятиям как «система международных отношений», «глобальное управление», «региональная подсистема безопасности», «режим нераспространения». Не вдаваясь в подробности, отметим, что локализовать конкретное местоположение этих феноменов нельзя. При этом, большинство международныхников согласится, что эти феномены реальны, поскольку они, либо взаимосвязаны с поведением государств (ограничивают свободу политического маневра или наоборот обеспечивают дополнительные возможности, или являются продуктами деятельности стран), либо проявляются в общественно-политическом дискурсе (иначе выходит, что государства обсуждают несуществующие вещи). Как и в случае с сознанием, международные исследования (и все социальные науки в целом), стоят перед двумя альтернативами — механистическое (и заведомо неудовлетворительное) объяснение или самодискредитация¹²⁸.

Выход из данного положения, с одной стороны, достаточно прост, но с другой — требует определенной научной смелости. Проблемы определения субъективных феноменов и ненаблюдаемости социальных структур присущи механистической научной картине мира. Однако переход к новой картине мира, который уже начался в других науках, возможно, позволит решить эти проблемы, вырваться из замкнутого круга двух неприятных альтернатив. Именно такое предположение выдвинул видный международник А. Вендт, известный как один из основоположников конструктивистской парадигмы ТМО.

Научная картина мира, связанная с именами А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга, М. Борна, Л. де Бройля, Э. Шредингера, П. Дирака, В. Паули, Р. Фейнмана, необязательно приведет к готовым ответам. Безусловно, Вендт далеко не первым решил подобрать «квантовый» ключ к проблеме сознания. Еще в 1961 году физик Э. Вигнер выдвинул гипотезу о квантовой природе созна-

¹²⁸ *Wendt A. Quantum Mind and Social Science. pp. 11-25.*

ния. Но поскольку в гейзенберговской картине мира теоретические допущения нередко работают на ограниченном промежутке реальности, более широкие умозаключения привели ученых к противоположным выводам. Сам Вигнер думал, что его гипотеза будет решающим доводом в пользу онтологического дуализма, несводимости субъективного начала к материальному — и наоборот. Напротив, британский математик Р. Пенроуз выстроил аргументацию таким образом, что квантовая природа сознания неизбежно означает признание правоты материализма¹²⁹. По мнению А. Вендта, новая картина мира подразумевает онтологический и гносеологический холизм. Более того, квантовый холизм нельзя упрекнуть в том, что он ставит целое выше части. Если несколько упростить, микроскопические объекты в квантовой механике взаимосвязаны (когерентны), поскольку они «ведут себя» как волны. А, значит, эти объекты в каком-то смысле нереальны, но в некоторый момент они становятся реальными, когда переходят в одно из двух состояний — частицы или волны¹³⁰. Проще говоря, нельзя поставить целое выше части, поскольку части в квантовом холизме нередко существуют в форме возможностей (вероятностей): до определенного момента нам просто неизвестно, какая именно часть будет в составе целого.

Что означает новая картина мира для теории международных отношений? Во-первых, принципиально изменится понимание государства в квантовом холизме, вырастет роль индивидов, чье сознание составляет сложную систему, основанную на интерференции (наложении) волн. А. Вендт назвал данный взгляд на государство «партиципаторной онтологией». Во-вторых, получит дальнейший толчок конструктивистское понимание взаимодействий акторов мировой политики. Конечно, придется «перепрочитать» лингвистику, психологию, нейрофизиологию, теорию коммуникаций с позиций квантовой физики, чтобы понять, как тем или иные феномены описываются в языке, как значение соотносится и взаимодействует с содержанием феномена, как значения и их восприятие складываются в дискурс. Наконец, в-третьих, определенность относительно онтологических вопросов позволит двинуться в сторону вопросов методологии¹³¹.

¹²⁹ Peacock K.A. *The quantum revolution: a historical perspective*. — Westport: Greenwood Press, 2008. pp. 161-162.

¹³⁰ Wendt A. *Quantum Mind and Social Science*. p. 141.

¹³¹ Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — №3(48). С. 13-14

Очень хочется в конце книги заявить «Цели ясны, задачи поставлены. За работу, товарищи!», но вопросов по-прежнему много, а ответов по-прежнему мало. Ясно направление поиска — широкий междисциплинарный синтез, но его конкретные формы еще предстоит определить. В любом случае, авторы надеются, что данное издание поможет задать правильные вопросы и поспособствует широкой дискуссии о дальнейших путях развития отечественной и мировой науки о международных отношениях.

Информация об авторах

Т.А. Алексеева — д-р филос. наук, зав. Кафедрой политической теории МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области образования;

А.П. Минеев — канд. физ.-мат. наук, доцент Кафедры политической теории МГИМО МИД России, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса;

И.Д. Лошкарёв — преподаватель Кафедры политической теории МГИМО МИД России;

Б.И. Ананьев — преподаватель Кафедры политической теории МГИМО МИД России.

«Квантовый подход» к международным отношениям
Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И.

Редактор, корректор Н.Е. Рожкова
Дизайн, верстка М.М. Лускатов

Книга подготовлена к печати
АНО «Редакция журнала «ЗНАНИЕ-СИЛА»
www.znanie-sila.su

Бумага офсетная
Гарнитура NewtonС
6 а.п.л.
Тираж 70 экз.
Сдано в набор 09.01.2018
Подписано в печать 17.01.2018

Отпечатано в
АО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т, д.42, корп.5
Тел.: (495)322-38-31